

Литературная газета

Пятница, 18 июня 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР.

Цена 30 коп.

Год тому назад, 18 июня 1936 г., в Горках (близ Москвы) скончался великий русский писатель, гениальный художник слова, беззаветный друг трудящихся, борец за победу коммунизма — Алексей Максимович Горький

Учиться у Горького

Прошел год с того дня, когда трудящиеся человечество, народы советских республик прощались с ушедшим навеки великим пролетарским писателем, гениальным художником слова, неутомимым борцом за дело коммунизма Алексеем Максимовичем Горьким.

На траурном митинге на Красной площади в день похорон А. М. Горького глава советского правительства В. М. Молотов говорил:

«После смерти Горького — самая тяжелая утрата для нашей страны и для человечества», — и эти слова он выразил чувства, переживаемые миллионами и миллионами людей.

Выдающийся изобретатель и уродливый капитализм, Горький считал себе всемирную славу, всеобщее признание и любовь широчайших масс трудового человечества. Ни один из писателей прошлого и настоящего не был так близок к миллионам людей, как А. М. Горький, ни один из них никогда не выдвигал так глубоко в душу трудящегося человека, как великий «пролетарский писатель», наш Алексей Максимович. Он пришел в мир, в котором люди были кривы, не полны радостных песен, в их сердцах жили ненависть и озлобление друг против друга. Они были ожесточены, труд для них был проклятием, и великому писателю казалось, что они появились на свет только, чтобы переносить невыносимые мучения, терпеть надежды.

Книги открыли ему новый мир. Он увидел, что есть другая жизнь, что есть иные люди. Книжки открыли ему, что все удивительные достижения техники, искусства, прогресса сделаны человеком и что труд человека является создателем всех материальных и духовных ценностей на земле.

И четырнадцатилетним мальчуганом Горький дал себе клятву, что, как только он станет взрослым, отдаст все свои силы без остатка на борьбу за лучшее будущее человека. Он рано вступил на путь революционной борьбы, вскоре примыкает к большевикам и сходит к близости с вождем международного пролетариата, организатором и создателем большевистской партии В. И. Лениным.

Свой талант, могучий дар художника, он ставит на службу рабочему классу, отдавая борьбу за дело коммунизма. Он подлинный писатель боец, гневные публицистические статьи, прокламации и листовки выходили из-под пера гениального художника таким же ярким, художественным, правдивым, как и все его образное художественное творчество.

Горький пришел в литературу, когда зарождалось революционное рабочее движение, уверенной поступью входил в сознание революционной интеллигенции и передовых рабочих марксизм. Литература переживала эпоху безвременья, и горьковские стихотворения в прозе — «Песня о буревестнике» и «Песня о соколе» были приняты, как новое, могучее и страстное слово в литературе.

Горький закладывал основы пролетарской, социалистической литературы. Но совершенно естественно, что социалистическая литература не рождается на голый земля. Будучи качественно новой, она в то же время является итогом всего предшествующего развития литературы.

Великий художник слова, А. М. Горький является продолжателем традиций великих критических реалистов и революционных демократов.

«По силе своего влияния на русскую литературу», — говорил тов. В. М. Молотов в речи на горьковском траурном митинге, — Горький стоит на тех же ступенях, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучший продолжатель их великих традиций в наше время. Влияние художественного слова Горького на судьбы нашей революции беспрецедентное и сильное, чем влияние какого-либо другого нашего писателя. Поэтому именно Горький и является подлинным родоначальником пролетарской социалистической литературы в нашей стране и в глазах трудящихся всего мира.

Писатели и оборона страны

Железнодорожники обратились к советскому правительству с просьбой — выпустить Заем обороны СССР. Инициатива железнодорожников подхвачена миллионами трудящихся нашей страны.

Так ответили на народы Советского Союза на провокацию, предельную, измену подлых шпионов Тухачевского и К., разоблаченных в их намерениях наркомом внутренних дел В. М. Молотовым.

Патриоты советской родины демонстрируют свою готовность по первому призыву партии и любимого вождя товарища Сталина мощной лавиной двинуться против врага, если он осмелится посягнуть на наши границы.

Величайшее движение масс захватывает писателей нашей страны. Они присоединяют свой голос к голосам миллионов, выдвинувших идею займа обороны, и при размещении этого займа они оказывают не на последнем месте среди подписавшихся.

Но пример масс должен увлечь писателей и в другом отношении. Они

Он создал эстетику социалистического реализма, доказав своим художественными произведениями ее силу и необходимость. Формулируя свои эстетические принципы в статьях, посвященных литературе, Горький передавал опыт гениального художника революционным писателям, молодому поколению советских литераторов, рожденных Великой пролетарской революцией.

Как гениальный и великий писатель, А. М. Горький глубоко верил в силу художественного слова. Чуткий и суровый критик, Горький отдавал много внимания и сил воспитанию «инженеров человеческих душ» — писателей. Эту работу он вел и в дореволюционные времена, издавая первые сборники пролетарских писателей и особенно в послеоктябрьский период.

Его критика всегда была принципиальной, глубокой и умной. Писатель, отдавший свое произведение на суд замечательному художнику, знал, что от его пытливого и прозорливого взгляда не скроются ни положительные, ни отрицательные стороны произведения. Вот почему с такой любовью и трогательной нежностью относились писатели к А. М. Горькому.

В среде советских литераторов до самого последнего времени находились троцкистско-авербаховские агенты, создавшие свой антисоветский литературный центр. Афиногенов, Кириш, Яценский и другие вместе с врагом народа, грязным литературным дельцом Авербаком делали попытки примазаться к имени великого писателя. Горький же громил чуждых и равнодушных к делу литературы людей и не в бровь, а в глаза попадал авербаховцам, когда писал о некоторых литераторах, вращавшихся в буржуазной среде «вождями».

Живучие, находящие еще себе место в нашей социалистической действительности, силы старого мира вызвали в Горьком страшную ненависть. Международные поджигатели войны, фашистские шпионы, предатели и диверсанты испытывали на себе окуривающие удары могучей публицистической мысли Горького.

Великий пролетарский гуманист, относившийся всегда к человеку труда с величайшей нежностью и любовью, для врагов трудящихся он находил окуривающие слова. «Если враг не сдается, его уничтожат», — говорил А. М. Горький.

Не случайно истоки смрадного троцкистского подполья, вероломства и предательства закладывал Горький в образе буржуазного интеллигента «средней стоимости» Климуса Самгина в одном из лучших своих произведений.

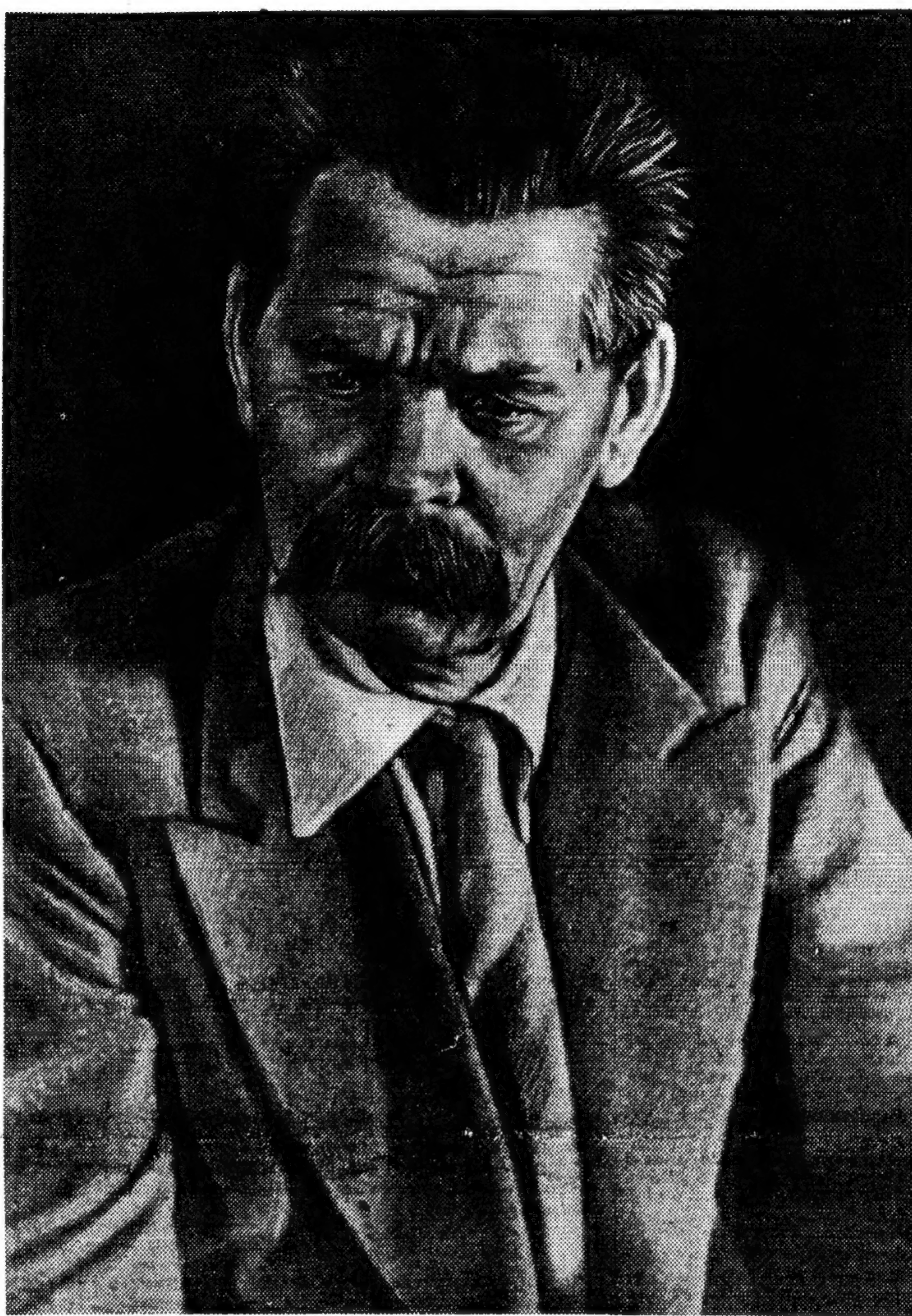
В ряде статей, выступлений, докладов Горький наметил перед советской литературой величайшие и трудные задачи. Показав в ярких и полнокровных художественных образах героя нашей эпохи, трудового человека, создателя материальных и духовных ценностей. Раскрыв глаза со всей силой, какой присуща советскому народному художнику, вызывая к врагу священный гнев и презрение. Добиться как можно более широкого охвата многокрасочной и яркой действительности в художественных произведениях.

Эти требования Горького и на сегодняшний день остаются невыполненными нашими литераторами. А между тем «не было еще такой эпохи, когда искусство располагало бы таким разнообразным материалом, какой предлагает искусство материальной культуры» (А. М. Горький).

Вместе с тем на одно поколение писателей не имело такого руководителя, заботливого друга, учителя, как великий Горький для советских литераторов. Вся его прекрасная яркая жизнь, все его бесмертное художественное творчество и колоссальная организационная работа являются собой пример для советского литератора.

Советский писатель должен жить и работать, учиться и писать так, как работал и жил, писал и учился А. М. Горький.

должны направить все силы для того, чтобы окончательно очистить свои ряды от троцкистских, бухаринских и всяких иных предателей, усердно пытающихся овладеть нашим идеологическим фронтом. Она во всем объеме должна поставить вопросы борьбы за оборонную тематику в художественной литературе. Враг и здесь сумел немало навредить. Вспомним, например, как упорно отставал мравецкий Эйдеман выдвинутой им лозунг: «У нас не может быть специальной оборонной литературы». Теперь яснее, чем когда-либо, смысл этой «установки», предателя, которому нужно было отвлечь внимание советских писателей от военной тематики, от проблемы будущего столкновения мира фашизма и мира социализма. Необходимо разоблачить этот вреднейший лозунг. Массы, настаивающие на выпуске займа обороны, с такой же страстностью и настойчивостью требуют антифашистских романов, пьес, показывающих мощь нашей Красной армии, фильмов, разоблачающих гнусные замыслы империалистических разбойников.

1868

Алексей Максимович Горький

1936

ДЖАМБУЛ
Народный писец Казахстана, орденосовец

Умер большой человек

Пой от скорби и гора, Джамбул,
Пой печальней осенних рек.
Весть ползет из аула в аул —
Умер Горький — большой человек.

Буревестник крылья сложил,
Гордый сокол на скалы упал,
Он народам песней служил,
Е светлой правде Родину звал.

Он пришел, когда ширилась тьма,
Был далеким зыбкий рассвет —
И молчала страна, как тюрьма,
В черном мраке проклятых лет.

*) Песня спета в день получения
в Казахстане известия о смерти А. М.
Горького.

Но во тьме его песни зажглись
Как созвездия на небе ночью.
По стране его песни лились
И сердца зажигали огнем.

Ленин другом его называл
И творения его ценил.
Сталки книги его читал
И, как верного друга, любил.

Он принес нам песни борьбы
Из жемчужин — сверкающих слов —
Выпрямлялись от песен горбы
У забитых нуждой рабов.

В его песнях хранился восход,
День грядущий лучами горел.
И пол песни его народ
Шел из мрака навстречу заре.

Над страной плыла весна
Свежих росных цветов поля.
Его старость была ясна
И прекрасна, как наша страна.

Отвержал, откинул, отавенел
Светлый, чистый, кипучий родник.
В нашей — самой счастливой —
Стране

Умер самый счастливый старик.
Плечье струны из турьих жил,
Умер тот, кто лишь правде служил,
Кого Ленин великий любил.

С казахского перевел
К. АЛТАЙСКИЙ.

О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ РЕАЛИЗМЕ

Неопубликованное письмо А. М. Горького

Неопубликованное письмо А. М. Горького г. Щербанову (бывшему в то время ответственным секретарем союза писателей) представляет для советского читателя значительный интерес.

Письмо, преимущественно посвященное трюкам социалистического реализма, заставляет несомненно задуматься тех наших писателей, которые до сих пор еще не понимают, что «главная задача социалистического реализма сводится к возбуждению социалистического, революционного мироощущения».

Тов. ЩЕРБАКОВ.

Мне кажется, что определение состояния критики и ее задач дано в формах слухом «общих», хорошо знакомых литераторам и критикам и потому едва ли способных возбудить живой, актуальный интерес, вызвать плодотворную дискуссию по вопросу о социалистическом реализме, как технике лит. творчества, как об эстетике и этике советского искусства.

О соц. реализме написано и пишется много, но единого и ясного мнения — не существует, факт и объясняется тот печальный факт, что на сцене писателей критика не вылилась, что она существует. А нам необходимо твердо установленная «рабочая истина», настолько широкая, чтобы она могла охватить и осветить смыслы всех процессов в нашей стране и все акты сопротивления творчеству пролетариата-диктатора. Само собою разумеется, что в пределах этой «рабочей истины» неизбежны и допустимы разногласия, — отсюда следует необходимость особенно точно, твердо установить пределы социалистического реализма, надобно взять за исходное утверждение: жизнь есть сплошное и непрерывное движение, изменение. В природе метаморфически работают иероглифы и химия, в человеческом обществе — трения, столкновения классовых сил и трудовая деятельность, направленные на создание и расширение материальной — буржуазной — классово-эксплуататорской культуры. Факты истории устанавивают, что интеллект играл в буржуазном обществе роль «катализатора», который более или менее успешно —

стремился связать, соединить, т. е. примирить, а в области социальной применял это подчинение сил. Индивидуализм нужно указать, что интеллект в условиях капиталистических меньше всего зависит от быстроты своего роста, а ищет только устойчивого равновесия.

Реализм буржуазной литературы — критический, но лишь настолько, насколько критика необходима для классовой «стратегии», — для освещения ошибок буржуазии в борьбе за устойчивость власти. Социалистический реализм направлен на борьбу с пережитками старого мира, с его гнетущим влиянием на искоренение этих влияний, но главная его задача сводится к возбуждению социалистического, революционного мироощущения, мироустройства.

Мне кажется, что мысль этого порядка могла бы вызвать в среде литераторов и критиков возражения, раздражения и создать полетную дискуссию. У нас литераторы меньше всего думают и говорят именно о педаль и задавая литературы — следует попытаться возбудить более живой и глубокий интерес к делу, которым они занимаются.

Голосуем за заем обороны СССР

На митингах и собраниях

Работники Издательства иностранных рабочих единодушно одобряют подписанием горячим советским патриотизмом предложение передовых железнодорожников о выпуске займа укрепления обороны социалистической страны.

«Коллектив сотрудников издательства», — говорится в их резолюции, принятой 17 июня, — просит правительство выпустить заем в возможно ближайший срок и в размерах, полностью обеспечивающих превращение нашего СССР в еще более могучую силу, грозную для любой группировки врагов.

Общее собрание работников издательства платит свой пламенный привет Рабоче-Крестьянской Красной армии и обязуется в своей работе быть достойным непобедимой армии мирового пролетариата и отдать все свои силы делу укрепления обороноспособности нашей страны.

Сотрудники Госпиталевства о большом энтузиазмом встретили предложение рабочих железнодорожников о выпуске займа обороны СССР.

Общее собрание издательских работников заявило: «Проникнутые глубокой любовью к нашей великой социалистической родине, к авангарду трудящихся —

Восковой коммунистической партии (большевиков) и любому вождю трудящихся всего мира товарищу Сталину, мы еще теснее сплотились вокруг нашего ЦК и родного товарища Сталина, еще больше окружили вниманием и заботой непобедимую Красную армию и сделаем все для того, чтобы укрепить, усилить мощь нашей великой родины».

160 человек собрались 15 июня в Изюмне на митинге, на котором было единодушно принята резолюция, поддерживающая предложение железнодорожников о выпуске специального займа для укрепления обороны СССР.

В резолюции коллектив сотрудников Изюмне заявляет: «Наша Красная армия, горячо любимая всем советским народом, должна быть вооружена самым совершенным в мире оружием.

В ответ на провокацию врагов еще сильнее укрепим мощь Красной армии и обороноспособность страны. Правительству инициативу железнодорожников и просим правительство выпустить заем обороны, заверяем партию и правительство, что мы в величайшей охотой и радостью подпишемся на заем».

ПИСАТЕЛИ БУДУТ В ПЕРВЫХ РЯДАХ ПОДДЕРЖКИ ЗАЕМА

Г. Лахути

Горько поддерживая инициативу железнодорожников о выпуске нового займа обороны.

Кровавые сабли, скваченные рукой революционного закона, уничтожены. Такая участь ожидает всех, кто посягает на священные права великой страны социализма.

На гнусные нападки фашистов, на все провокаты откровенных негодяев мы отвечаем еще большим укреплением мощи нашей великой родины.

Я глубоко уверен в том, что писатели нашей великой многонациональной родины будут в первых рядах подписчиков на заем.

Я уверен также в том, что одновременно с активным участием в новом займе писатели создадут новые произведения, изобилующие полными фашизма и их блудливых прислужников, напущу высокохудожественные произведения о нашей непобедимой Красной армии и ее доблестных бойцах и радостной жизни сталинской эпохи.

НАША СТРАНА ДОЛЖНА БЫТЬ САМОЙ СИЛЬНОЙ В МИРЕ

Л. Кассиль

Наплелся ли хоть один гражданин, преданный своей социалистической родине, который не приветствовал бы горячо инициативу железнодорожников о займе обороны СССР?

Изменники и предатели нашей родины раздвигают. Их фашистские ханы, пытающиеся всеми средствами подорвать мощь великой страны социализма, просчитались.

Советский народ, приветствуя решение Верховного суда, новым подвиг патриотизма отвечает на полные дела агентов фашистской контрразведки. Он предлагает правительству новые средства для дальнейшего укрепления обороноспособности Красной армии.

Я уверен, что в этот раз мы особенно успешно осуществим подписку на заем обороны СССР.

Наша страна должна быть самой сильной в мире!

СИЛА СОВЕТСКОГО НАРОДА НЕСОКРУШИМА, ЕГО ВОЛЯ К ПОБЕДАМ НЕПРЕКЛОННА

Горько приветствуя инициативу железнодорожников и воинских частей Москвы и присоединяем свой голос к их ходатайству о выпуске займа укрепления обороны нашей героической родины.

Пусть знают враги — все их гнусные попытки подорвать нашу мощь, терпеть и будут терпеть неминуемый крах.

Пусть знают враги — сила нашего советского народа несокрушима, его воля к победам непреклонна, его энергия неисчерпаема.

Участием в займе каждый из нас сумеет претворить свою глубокую любовь к родине в живое и практическое дело укрепления могущества нашего социалистического государства, укрепления безопасности мирного, созидательного труда народов и республик Советского Союза.

Да здравствует инициатива займа! Да здравствует великий и могучий советский народ!

Да здравствует великая партия большевиков и великий Сталин!

ПРАВЛЕНИЕ ССП БЕЛОРУССИИ. Минск. По телефону.

Предложение

О. Колычев

Наш гнев нарастает.
Мушкет берды...
Слова приговора,
как олитки свинца, —
Презренным убийцам,
германским наймитам,
Что крупновским
действовали динамитом!

Чтоб танков могучая встала стена,
Чтоб в небе кружились
металлы оперенный,
Поетов своих
призывает страна
Величаться
в железный заем обороны.

Пусть в каждой республике
каждый поэт
(Конкретно — ленинское
предложение)
Отчине,
которой любимей нет,
Займет
свое лучшее стихотворенье!

ДОСТОЙНЫЙ ОТВЕТ МИЛЛИОНОВ

Л. Никулин

В течение ряда лет тайные враги нашей родины, предатели и шпионы, старались разрушить, подточить военную мощь Советской страны.

Сейчас они разоблачены и уничтожены. Мы нанесли чувствительный удар их покровителям, но, чтобы действие его было сильнее, надо стократно укрепить мощь нашей Красной армии.

Десять лет назад, в 1927 г., на провокацию войны, на убийство советского посла Войкова, мы отбили всеоружиями сражения на постройку авиаскадрильи «Наш ответ Чемберлену».

Сейчас мы отвечаем нашим врагам Заемом обороны СССР.

Это единственный достойный и убийственный для них ответ.

ПИСАТЕЛИ ГОРЯЧО ПОДДЕРЖАТ ЗАЕМ

П. Павленко

Писатели должны горячо поддержать прекрасную инициативу железнодорожников.

Общее собрание писателей или правление общества от имени всех нас должно обратиться к правительству с просьбой о выпуске займа обороны, который явится всенародным голосом любви и преданности нашей стране и проявлением всеобщей готовности каждого гражданина СССР всемерно усилить мощь страны и Красной армии.

И в случае, если правительство согласится, писатели единодушно продемонстрируют свой патриотизм и выйдут на первое место в этом хорошем и нужном деле.

РАЗГРОМИМ ФАШИЗМ ДО КОНЦА

С. Марвич

Заем обороны — материализованная воля народов нашей страны победить в грядущих боях армии фашизма, разгромить фашизм до конца на его же земле. Физическое уничтожение банды шпионов — Тухачевского и К° — одна из первых выигранных нами схваток с фашизмом. В этой схватке фашизм полагается тем, что для нас, для международной демократии, открылись его планы и карты.

Всенародное одобрение приговора, всенародное голосование за Заем обороны — это наш общий, и мой в том числе, ответ поджигателям войны. Ленинград. По телефону.

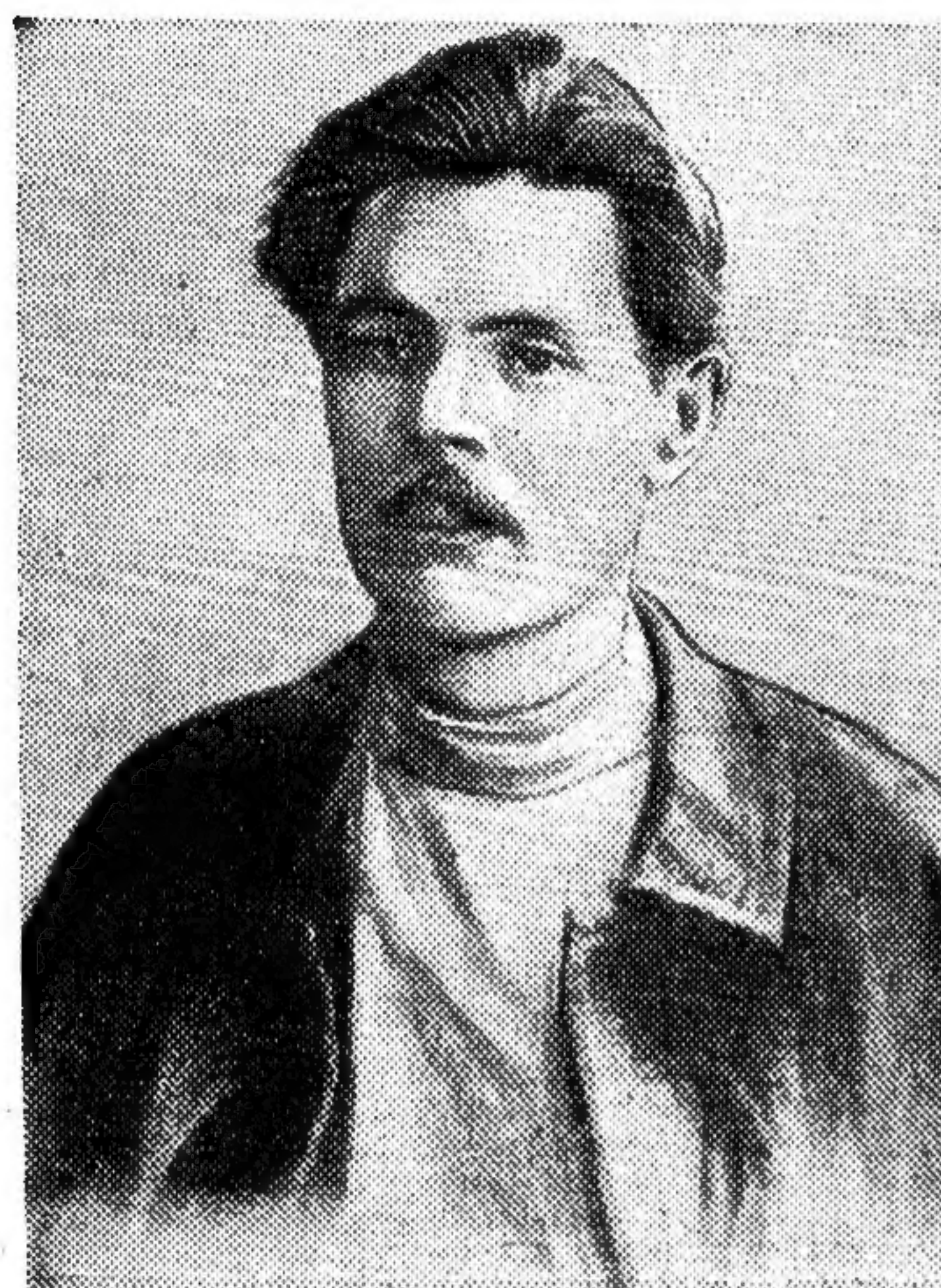
ПОСЛЕ ЛЕНИНА СМЕРТЬ ГОРЬКОГО — САМАЯ ТЯЖЕЛАЯ УТРАТА ДЛЯ НАШЕЙ СТРАНЫ И ДЛЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

(В. МОЛОТОВ)

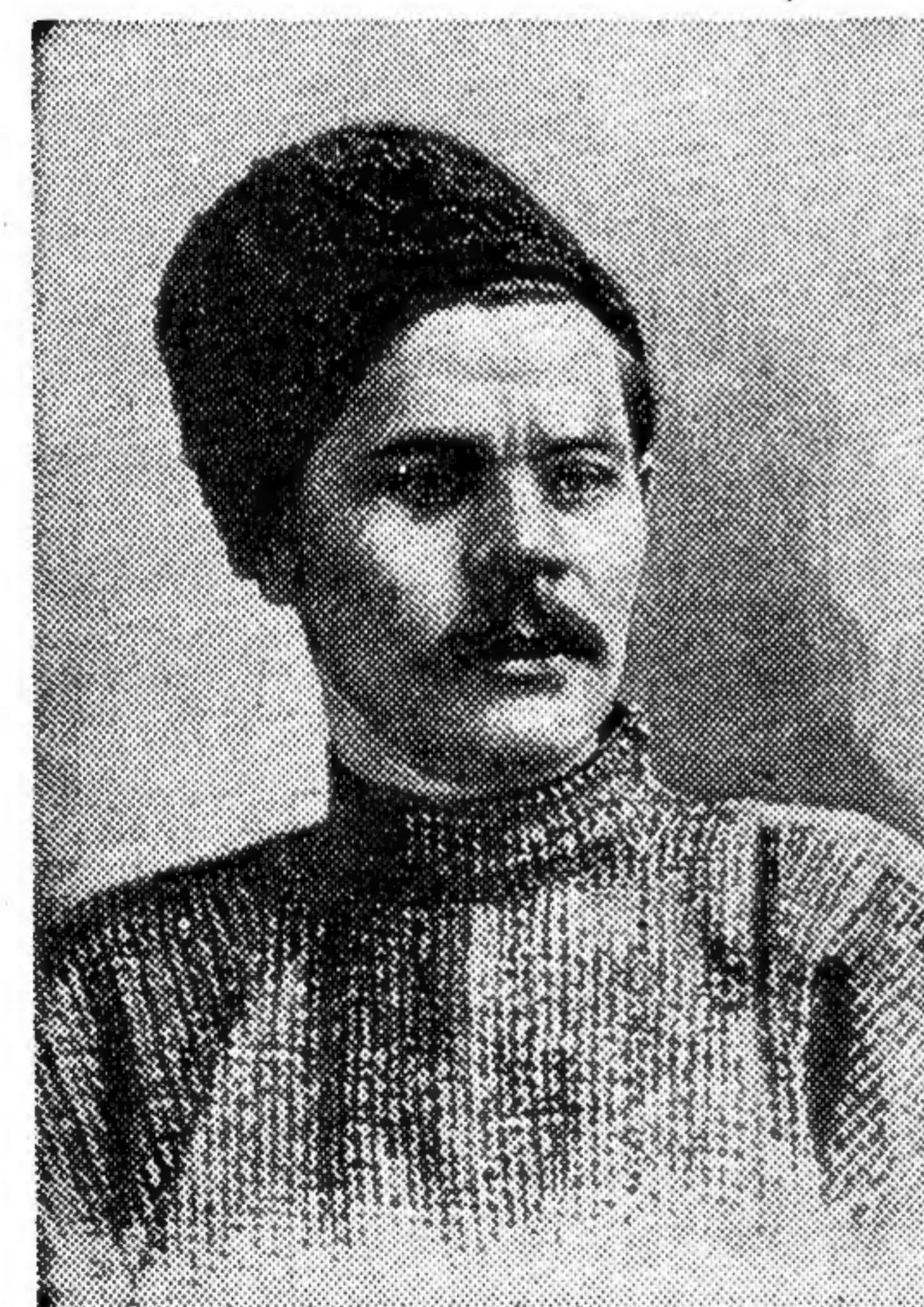
М. Горький в фото

Середина 80-х гг.

1895 год.

Конец 90-х гг.

М. ГОРЬКИЙ

Публика

Неопубликованный отрывок из повести

Душная летняя ночь, без звезд и луны, властно окутала город и как большое, утомленное животное он глухо рычал, погружаясь в сон.

Медленно и зловеще двигались черные облака, опускались тяжелые покровы все ниже и ниже к земле, покрытые пылью деревья городского сада стояли неподвижно, точно они задохнулись и умерли в душной тьме.

В темный, густо заросший угол сада, где я лежал, доносилась военная музыка, — играли марш, в нем был слышен тонот дождя, плач женщин, чья-то прощальная песня, и эти звуки, сливаясь с тьмой, заглушало тяжелое дыхание паровой машины на осветительной станции.

Где-то далеко, во тьме среди деревьев тревожно сверкали огни, и казалось, что они хотят оторваться от земли и улететь в печальное, темное небо.

Я лежал на старой, расшатанной скамье, под кустами акации, прислушиваясь, как голод сосет мое тело, у меня кружилась голова от слабости, и острое чувство злости на жизнь — еще недавно терзавшее меня так же мучительно, как голод теперь, — это чувство умирало во мне.

Из-за поворота аллеи показалась маленькая круглая фигура женщины. Непростительно и качаясь к боку на боку, она подошла ко мне все ближе, вытолкнула напевая, и скоро я разобрал слова ее песни.

Присидела день без дела. Капитал свой весь проела...

Мелодия звучала задумчиво и грустно, но когда женщина заметила меня на скамье, она весело, заигрывающим тоном проговорила: — Батюшки, кто-то лежит... ай, страх какой.

Я не ответил, не пошевелился. И она прошла мимо, зорко присматриваясь ко мне, а пройдя, запела снова, но уже громче и с уальсом:

Мил херется, коль не сыт, Милый сытый только спит... Эх, я ушла бы от него, Да нет на свете никого.

Ее песня оборвалась. Мне показалось, что если я сяду и крепко сожму живот руками, то не буду так сильно чувствовать сухую боль голода. Тяжело повернувшись, я сел. Скамья жалобно зашуршала, и этот стонущий, тонкий звук заставил женщину оглянуться. Одинокая, тяжелая капля дождя упала мне на руку, и я зачем-то слезал ее языком.

Женщина незаметно воротилась и встала против меня. — Ты что тут сидишь? — спросила она. — Пьяный, что ли? — Увидишь, — ответил я. Я не пьян... и... вам не нужен...

— Да мне и никто не нужен, — спокойно и звонко сказала она. — Наплевать мне на всех вас.

Она положила в скамье, села рядом со мной, зажала спичку и, освещая мое лицо, протянула насмешливо:

— Н-ну и рожа... Она закурила папиросу и стала раскатывать копусом, — скамейка от этого скрипела, а мне казалось, что этот жалобный скрип раздается в моем теле. Папироса, вполыхивая, освещала лицо моей соседки. Это было миленькое круглое русское девичье лицо, с голубыми ясными глазами и еще не погасшим румянцем на полных щеках.

Из неопубликованного литературного наследия Горького большой интерес представляет повесть «Публика», написанная в начале 90-х годов. Она состоит из пяти новелл, одну из которых мы публикуем.

— Большой, что ли? — спросила она.

— Да, — ответил я.

Я пошла бы к своему краю.

Да родилась где — не знаю...

пропела девушка тихонько и в нос.

Потом, не глядя на меня, спросила:

— Ночевать негде?

— Негде...

— Ну, вот. А я... всегда найду себе место... только захотеть... Ну, однако, не хочу...

И она, упрямо тряхнув головой, отшвырнула папиросу в кусты.

— Не хочу... Ты — голодный?

— Да, — тихо сказал я.

— А я — сытенькая... час назад — шла в трактир и котлет... с луком... Горячие котлеты... вкусно. Чай — поел бы котлет?

Она засмеялась, звонким смехом, похожим на холодный звук разбитого стекла.

Мне захотелось уйти, но, встав на ноги, я пошатнулся и пошел, что лучше уж сидеть здесь, чем валиться где-нибудь на улице.

— Не держат ножки-то! — зашумела моя соседка и в ее голосе — мне показалось — прозвучала какая-то радость.

С минуту она молчала. Музыка перестала играть, и теперь в воздухе было слышно только усталое, тяжелое дыхание машины.

— Слушай! — вдруг, ласково и негромко, заговорила девушка. — Хочешь я тебе дам... — близко наклонилась ко мне, — двугривенный? а? Хочешь, ну?

— Ладно... — тихо сказал я, — я вам отдам... потом...

От предвкушения возможности поехать я даже задрожал всей жалкой дрожью голодного.

— Видишь? Вот он двугривенный... вот! Сколько на него можно купить. Ты подумай!... два дня сыт будешь! Ну, давай?

Я молча протянул руку.

— Значит, давай?

Вдруг она громко засмеялась, удерживая меня по руке, широко размахиваясь и выкинула монету в кусты. Я слышал тихий металлический звон — это двугривенный задевал ветки, падая на землю, во тьму.

Не понимая ее поступка, я молча смотрел на нее.

А она, отступив на шаг от меня, наклонилась и злым громким голосом заговорила:

— Видишь? Ты думаешь и вправду — дам я тебе на хлеб. Как же, напел дуру... И если бы вас тут сотня с голоду издыхала — все равно... Прощай!

Она пинком выгнала меня и пошла прочь от меня. Но шагах в пяти снова остановилась и дрожащим голосом, в котором мне почудились слезы, глухо заговорила:

— Может ты и невинен, может и хороший человек... а — на вот! Терпи, за товарищей терпи, — пошла! А я буду знать, что и сама тоже... Хотя один раз... одну собаку пригнала...

Голос ее обрывался и звучал все глуше... А мне казалось, что в лицо мое брызжут тяжелыми, липкими комьями грязи, и я дрожал от боли, оскорбления, боли голода... и оттого еще, что я понимал боль и муку ее сердца, отравленного грязью жизни.

Она пошла дальше, и ее маленькая фигура растаяла во тьме. Но издали, из густой тьмы до меня еще раз донесся ее голос:

— Скажи им... подлая... коли не издохнешь тут...

Вокруг меня стало мертвенно тихо, только машина все выдыхала тяжелыми вздохами измученного животного. Да огни вдали испуганно дрожали...

И земля подо мной кружилась, качалась, как будто пытаясь сбросить меня куда-то с груза своей, загрязненной людьми.

И. БАБЕЛЬ

Начало

Лет двадцать тому назад, находясь в весьма нежном возрасте, расхаживал я по городу Санкт-Петербургу с липовым документом в кармане и — в летнюю зиму — без пальто. Пальто, надо признаться, у меня было, но я не надевал его по принципиальным соображениям. Собственность мою в ту пору составляли несколько рассказов — столь же коротких, сколь и рискованных. Рассказы эти я разносил по редакциям, никому не приходило в голову читать их, а если они кому и попадались на глаза, то производили обратное действие. Редактор одного из журналов выслал мне через швейцара рубль, другой редактор сказал о рукописи, что это сущая чепуха, но что у тебя его есть мучной лабаз и в лабаз этот можно поступить приказчиком. Я отказался и пошел, что мне не останется ничего другого, как пойти к Горькому.

В Петрограде издавался тогда интернационалистский журнал «Летопись», сумевший за несколько месяцев существования сделаться лучшим нашим ежемесячником. Редактором его был Горький. Я отправился к нему на Большую Монашью улицу. Сердце мое колотилось и останавливалось. В приемной редакции собралось самое необыкновенное общество из всех, какие только можно себе представить: великосветские дамы и так называемые «босаяки», корейские революционеры и араамские телеграфисты, дубоворы и большевики.

Принем должен был начаться в 6 часов. Ровно в шесть дверь открылась, и вошел Горький, поразив меня своим ростом, худобой, силой и размером громадного костяка, синеватым матовым, сидевшим на нем мешковатым, но изысканно. Я сказал: дверь открылась ровно в шесть. Вся жизнь он оставался верен этой точности, — добродетель старых, умелых, уверенных в себе рабочих.

Посетители в приемной разделялись на принесших рукописи и на тех, кто ждал решения участи.

Горький подошел ко второй группе. Походка его была легкая, бесшумная, а выдержка — изысканная, в руках он держал тетради; на некоторых из них его рукой было написано больше, чем рукой автора. С каждым из них он говорил сосредоточенно и долго, слушал собеседника с бесположающим жадным вниманием. Мнение свое он высказывал прямо и сурово, выбирая слова, силу которых мы узнавали много позже, через годы и десятилетия, когда слова эти, прошедшие в душе нашей длинной, неотвратимой путь, сделались правилом и направлением жизни.

Покончив с авторами, уже знакомыми ему, Горький подошел к нам и стал собирать рукописи. Меленько он выкладывал на меня. Я представлял тогда собой румяную, пухлую и непереварившую смесь толстоства и социал-демократии, не носил пальто, но был вооружен очками, заматаанными вощеной ниткой.

Дело происходило во вторник. Горький взял тетрадку и сказал:

— За ответом в пятницу.

Неправдоподобно звучали тогда эти слова... Обычно рукописи истлевали в редакциях по несколько месяцев, а чаще всего — вечно.

Я вернулся в пятницу и застал новых людей: как и в первый раз, среди них были кинжальники и дубоворы, рабочие и монахи, морские офицеры и гимназисты. Войдя в комнату, Горький снова взглянул на меня белым своим мгновенным взглядом, но оставил меня в покое. Все ушли. Мы остались одни, Максим Горький и я, свалившийся с другой планеты, из собственного нашего Марселя (не знаю, нужно ли пояснять, что я говорю об Одессе). Горький позвал меня в кабинет. Слова, сказанные им там, решили мою судьбу.

— Говоди бываешь маленьким, — сказал он мне, — бываешь и большим, с мой палец, — и он поднес к моему глазу длинный, сильно и нежно выделенный палец, — писательский палец, уважаемый палец (с ударением на 0), усеян гвоздями, преимущественно крупного формата. Ходить по ним придется босыми ногами, кровеносный сосуды, и с каждым годом она будет течь все обильнее... Слабый вы человек — вас купят и

продадут, вас затормозят, усыпят, и вы увянете, притворившись деревом в цвету... Честному же человеку, честному литератору и революционеру против этой дороге — великая честь, на какие-то негласные действия я вас, сударь, и благословляю...

Надо думать, в моей жизни не было часов важнее тех, которые я провел в редакции «Летописи». Выйдя оттуда, я полностью потерял физическое ощущение моего существа. В тридцатиградусный, синий, обжигающий мороз я бегал в бреду по громадным пыльным коридорам, открытым далекому темному небу, и опомнившись, когда оставил за собой Черную Речку и Новую Деревню...

Прошла половина ночи, и тогда только я вернулся на Петербургскую сторону, в комнату, снятую накануне у жены инженера, молодой неопытной женщины. Когда со службы пришел ее муж и осматривал мою загадочную и муку персона, он распорядился убрать из передней все пальто и галоши и закрыть на ключ дверь из моей комнаты в столовую.

Итак, я вернулся в свою новую квартиру. За стеной была передняя, лишенная причитавшихся ей галоши и напик, в душе кипела и заливала меня жаром радость, тиранически требовавшая выхода. Выбирать было не из чего. Я стоял в передней, чему-то улыбаясь и неожиданно для себя открыл дверь в столовую. Инженер с желтой пилы чай. Увидев меня в этот поздний час, они поблелили, особенно у них поблелили лыбы.

— Началось, — подумал инженер и приготовился дорого продать свою жизнь.

Я ступил два шага по направлению к нему и сознался в том, что Максим Горький обещал напечатать мои рассказы.

Инженер понял, что он ошибся, приняв сумасшедшего за вора, и поблел еще смертнее.

— Я прочту вам мои рассказы, — сказал я, усмиряясь и придвигая к себе чужой стакан чая, — те рассказы, которые он обещал напечатать...

Краткость содержания соперничала в моих творениях с решительным забвением приличий. Часть из них, к счастью благонамеренных людей, не явилась на свет. Вырезанные из журналов, они послужили поводом для привлечения меня к суду по двум статьям сразу — за попытку инспирировать существование строй и за порнографию. Суд надо мной должен был состояться в марте 1917 года, но востановив в конце февраля народ съезд обвинительное заключение, а вместе с ним и самое здание Окружного суда.

Алексей Максимович жил тогда на Кронверкском проспекте. Я приносил ему все, что писал, а писал я по одному рассказу в день (от этой системы мне пришлось впоследствии отказаться с тем, чтобы вступить в противоположную крайность). Горький все читал, все отвергал и требовал продолжения. Наконец, мы оба устали, и он сказал мне глухим своим басом:

— С очевидностью выяснено, что ничего вы, сударь, толком не знаете, но догадываетесь о многом... Ступайте-ка поспать в люль...

И я проснулся на следующий день корреспондентом одной периферийной газеты, с двумястами рублей подолжничая в кармане. Газета, как и я, не родилась, но полемические материалы, Коммунистическая моя дилемма, и многих дорог было мною искошено, и многих боев я был свидетелем. Через семь лет, демобилизовавшись, я сделал вторую попытку печататься и получил от него записку — «Пожалуй, можно начинать»...

И снова, страстно и непрерывно, стала подталкивать меня его рука. Это требование увеличивать непереставало и во что бы то ни стало чисто нужных и прекрасных вещей на земле — он предвещал тысячам людей, им отсыпанных и вращенных, а через них и человечеству. Им владела неослабевавшая ни на миг любовь к выдуманной, безграничной стае в человеческому творчеству. Он страдал, когда человек, от которого он ждал многого, оказывался бесплодным. И счастливый, он потирал руки и подмигивал миру, небу, земле — когда из искры возгоралось пламя...

1910 год.

1915 год.

1919 год.

И. ЛУППОЛ

Мастер идей

Великие писатели — не только мастера художественной формы, но и мастера идей. При оценке того или иного писателя богатство идей и их направление играют важнейшую роль.

Казалось бы, в литературно-художественном произведении идеи автора выражаются только в художественных образах. Это, конечно, так, и совпадение идеи и образа издавна считается одним из критериев художественности, одним из секретов искусства.

Тем не менее у каждого крупного писателя всегда чувствуется идея, идея, выраженная в определенном плане. Так, читая Гете, нельзя не чувствовать определенности плана его стихов. Читая Льва Толстого, мы чувствуем определенность, специфически толстовский идейно-религиозный план. Читая «Что делать?» Чернышевского или художественную прозу Герцена, мы ясно чувствуем их четкий идейно-политический план и притом революционный характер.

Великий русский писатель А. М. Горький стоит в первом ряду именно крупнейших идейных мировых писателей. Идея любого произведения А. М. Горького всегда ясна и доходчива. Она никогда не поддается ни сюжету, ни стилю, ни словесной оболочке. Напротив, сюжет, стиль, язык — все это поистине помогает уразумению идеи произведения.

Идея в литературно-художественных произведениях Горького облекается в художественный образ, сливается с ним. И все же идея художественных произведений А. М. Горького предстает перед нами в определенном плане. Это идейно-политический, публицистический план.

Разнообразие художественных жанров, бывших достоянием Горькому, не мешает ему в каком бы жанре он ни писал, публицистическое острое восприятие жизни, и это-то и составляет великое достоинство его пера.

Позиция Горького, как известно, немногочисленна, но тот поэт, который ищет бы в своем активе такие вещи, как «Песня о солдате» и «Песня о буревестнике», уже заслуживает быть названным великим, а между тем равне не полны эти поэтические шедевры публицистического жара, гражданственной силы, политической остроты? Политическое произведение и служение революции были для Горького нераздельными понятиями.

Новеллы и рассказы А. М. Горького первые доставили ему славу. Он любил и культивировал форму кратких и вместе с тем художественно-завершенных рассказов. В них всегда необычайно ясно, ярко и выпукло представлена основная, в большинстве случаев значительная социальная идея.

В драматургии Горького публицистический план не менее силен, чем в

его прозе. И в этом, независимо от других особенностей прозы Горького, его достоинство. Горький-публицист говорит со сцены не обязательно словами того или иного своего персонажа, он говорит песней в целом, на какую бы тему она ни была написана и кто бы он ни выводил.

Романы Горького — это блестящее доказательство этого замечательного единства искусства и публицистики. Популярнейший среди рабочих читателей всех стран роман «Мать» дает незабываемый образ революционерки — матери рабочего. Но сюжет романа не исчерпывается художественно-романтической историей одной рабочей семьи. Его сюжет — революция 1905 года в целом. Весь публицистический стержень романа, уясняющий его познавательное и революционно-действенное значение, привлекает к горьковской «Матери» сердца рабочих всего мира.

В романах Горького налицо теснейшая перекличка между художником-революционером и революционером-публицистом — перекличка, при которой разными голосами, т. е. различными средствами, художник и публицист делают одно дело — разоблачают контрреволюционные социальные силы, вселяют в них неясность, в умах читателей. А это дает еще новый аспект всему литературно-художественному творчеству Горького в его связи с публицистикой. Речь в данном случае идет не о публицистическом плане художественных произведений, а о выхождении художника, его средствах, того, что своими средствами выполняет публицист.

Еще в конце 1901 — начале 1902 года В. И. Ленин в своей знаменитой брошюре «Что делать?» писал: «Чтобы стать социал-демократом,

рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социальную политический облик помещика и пана, сановника и крестьянина, студента и босаяка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми прикрываются каждый класс и каждый слой общества, настоящее сутуло, уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не поворачивает ни из какой книжки, его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обобщения того, что происходит в данный момент вокруг нас».

Такие «живые картины», такими «по горячим следам составленные обобщениями» и являются рассказы и романы А. М. Горького. Разоблачение звериного быта капитализма, внедрение в души читателей ненависти к нему, указание на революционную борьбу как на единственный путь преодоления капиталистической мерзости, обоснование того, что только революционный рабочий класс может быть руководителем в этой борьбе и освободителем человечества, — все это и составляет идейно-публицистический план художественного творчества А. М. Горького.

Но если Горький прозревал свое художественное творчество острой публицистической мыслью, то, конечно, для него было вполне естественно и самому браться за перо публициста. Непосредственная деятельность публициста способствует всей литературный путь великого писателя.

Свою публичную писательскую деятельность Горький начал с рассказов, помещенных им в газете. Вскоре же он стал профессиональным газетным работником, но его заметки, очерки, статьи, корреспонденции в газетах — и в «Самарской газете», и в «Одесских новостях» — не были результатом бездумной, хотя и безостановочной работы для жизни; напротив, они шли от жизни, преломленной в социальную крайность, воспринимавшейся Горьким и прочувствованной в его горячем и истинно человеческом страдании сердце. Можно сказать, что хроникерские заметки А. Пешкова, фельетоны Иегулия Хамиди, все эти газетная работа, зловещая постоянная, беспереывного кипения в горниле жизни, была дорогой Горького в большую литературу.

Горький настолько сроднился с газетными столбами, что когда впоследствии, во всей своей творческой жизни чувствовал необходимость говорить с читателем срочно, немедленно, сейчас же, ибо не говорить уже не мог, — он всегда откладывал перо беллетриста и брался за перо публициста.

В публицистике он видел равноправный литературный жанр, имеющий свое основание и необходимые обуславливаемые конкретными обстоятельствами. Часто возникали такие мысли, которые могли найти наиболее адекватное выражение и дать наибольший эффект только в том случае, если они были выражены именно в публицистическом плане. Вот эти небольшие, но зато чрезвычайно эффективные и определяющие Горького

то выбор беллетристического или публицистического жанра.

Это обстоятельство влекло за собой существенную особенность творчества Горького, все его своеобразие и его величие как писателя: подобно тому, как в своей художественной прозе Горький был прекрасным публицистом, подобно тому в своей публицистике он был великолепным художником. В том-то и дело, что, переходя от беллетристики к публицистике, Горький не переставал быть художником. По богатству образов, по яркости выразительных средств, по тонкости откликов и вместе с тем по истинно художественной простоте изложения публицистики Горького соперничает с его художественными произведениями.

Наибольшее расцвет и по богатству тематики, и по силе выражения, и по задушевности изложения публицистика Горького достигла в последние годы его жизни. Примерно с 1927 года идет длинный ряд публицистических статей Горького, в которых он откликается на те или иные крупные политические события, достижения социалистического строительства, успехи культурной революции.

Прежде всего Горький выступает на защиту социалистической родины против всех врагов страны социализма. Он, как никто, знал все житейские убои и закулисы царской, буржуазно-помещичьей России, всю ее скверну и мерзость, весь гнет, тяготевший над народом. Поэтому-то он и обрушивался с такой поистине гигантской силой на всех врагов социализма. С другой стороны, видя неуверенные успехи социалистического строительства, меняющие не только лицо, но и всю социальную природу

страны, Горький переживал новую муку. Он не мог молчать, и на столбах газетных статей спешил поделиться со старыми и новыми поколениями читателей своей радостью.

Публицистические статьи Горького последних лет — это гимн социализму, который из мечты, идеи становится в уже стал действительностью, и притом гимн, сложенный старым борцом, который сам не только мечтал о социализме, но и боролся за него. Неудивительно, что для него были радостны и достижения в области промышленности, и успехи коллективизации в сельском хозяйстве, и укрепление Красной армии, и реальные свидетельства освобождения женщины, и чудесные поколения молодой поросли — пионеры, и расцвет культуры в СССР.

Этим темам посвящены многие и многие статьи Горького. В малых и больших темах своих публицистических статей перед нами все тот же Горький — великий сын великого народа, беззаветный друг трудящихся, гениальный художник слова, вдохновитель в борьбе за коммунизм.

В статье «Десять лет» в 1927 году Горький писал: «Всю мою жизнь я видел настоящим героями только людей, которые любят и умеют работать, людей, которые ставят себе целью освобождение всех сил человека для творчества, для украшения нашей земли, для организации на ней форм жизни, достойных человека».

В первом ряду таких людей и шел в своей жизни и литературной деятельности — художественной и публицистической — друг Ленина и Сталина, великий русский писатель Алексей Максимович Горький.

Простым людям, трудящимся, пример Горького показывает, что наш народ, как и другие народы, богат славными талантами, которым раньше лишь в исключительных случаях удавалось вырваться из-под спуда, а теперь открыт свободный путь к расцвету, к победам и славе.

(В. Молотов)

Иностранные писатели — Музею Горького

Иностранная комиссия ССР СССР обратилась с письмом к иностранным писателям с просьбой предоставить Музею Горького имеющиеся у них письма, автографы, статьи и другие материалы, касающиеся Горького.

На это обращение откликнулись писатели Мартин Андерсен Мексес, Стефан Цвейг, Томас Мани, Гертруда Уэллс, Оскар Марин Граф, Зигмунд Липман, Вейсманн, Рудольф Фунт и др.

Оскар Марин Граф предлагает выслать свои речи, произнесенные им после смерти Алексея Максимовича.

Стефан Цвейг выражает сожаление, что совсем недавно он отослал материал о Горьком в Университетскую библиотеку Иерусалима, в которую он теперь обратился с просьбой выслать точную фотокопию материала Музею Горького. Стефан Цвейг, прилагая копию своего письма Университетской библиотеке, просит иностранную комиссию, что в ближайшее время он пришлет сохраненный у него автограф Горького.

Томас Мани, выражая сожаление по поводу отсутствия у него нужных материалов, пишет, что он с большим интересом узнал о прекрасном плане создания Музея Максима Горького. Как писатель и почитатель великого русского художника и приветствую прекрасную идею и желаю успешного ее осуществления.

Я. ЭЙДЕЛЬМАН

Певец пролетарской ненависти

«Равнодушие не должно иметь места». Так называется одна из статей А. М. Горького. Эти слова могут быть поставлены эпиграфом ко всему творческому и жизненному пути великого художника пролетариата. Холод равнодушия, нейтральное отношение к добру и злу, пассивное созерцательство, слепотка, безразличность, как смертный грех, были ненавистны этому человеку, чье сердце являлось местом для неукротимых страстей, чьи мысли и чувства всегда питались опытом самого передового, самого революционного класса.

Именно эти свойства борца и заставляли очень часто Алексея Максимовича бороться за право публикации.

Буржуазная критика долго впадала и Горькому и его читателям, что публицистика не призвание автора «Буревестника». Не приходится сейчас доказывать, что в основе этих «увещаний» лежали те же побуждения, которые заставляли буржуазную и меньшевистскую критику обвинять бессмертное произведение Горького «Мать» в «не литературности».

Но хитроумная тактика врагов потерпела поражение. Горький был не из тех, кого можно было приручить или устроить. «Равнодушие не должно иметь места». Таков был девиз художника, такова была его творческая программа, такова была его партийная совесть. И потому продолжая лучшие традиции русской литературы, он смело врезался в самую гущу боев, вносил жестокие удары самодержавию, перкви, собственническому отроду.

Он громил либеральных болтунов, мыслителей, романтиков, смотревших на мир сквозь розовые очки вегетарианских теорий, страстно отталкивал решительно на все явления жизни, замалчивание которых он считал делом постыдным и недостойным писателя-гражданина.

Свою судьбу целиком и бесповоротно с судьбой революционного пролетариата, всем существом своим уперев в правоту ленинско-сталинской партии, в непобедимость ее мощи, он черпал силы и вдохновение в подвигах масс, переделывающих мир и самих себя. В послевоенные годы Горький мобилизовал всю силу своей ненависти, привел в движение весь необятный запас своих знаний, пустил в ход огромный арсенал убийственных аргументов, на какие только способен был его могучий талант полемиста, для того, чтобы обезвредить врагов социалистической страны.

Горький ураганил огнем разрушал все хитросплетения «белоподкладников» от культуры, анархистствующих мечей, кабальных индивидуалистов, слепых панифтонов, вродившихся мистиков, представших в дни смертельной схватки между старым и новым миром во всей своей неприглядной, отталкивающей наготы. В характеристиках, даваемых врагам, Горький достигал потрясающей художественной убедительности, умев буквально несколькими фразами уничтожить объект припева, отрезать ему путь к отступлению, выставить на всемирное позорище.

Разве не классическим образцом сатиры является определение свойств русского «умника», самовлюбленного «интеллектуалиста», рассматривающего историю с точки зрения удобства своих ягодиц? и, естественно, не одобряющего всего, «что сотрясает старую мебель, в которой покоятся его уважаемые ягодицы» («Об умниках» — 1930 г.)? В одном абзаце Горький дает здесь изумительную картину трансформации этого умника применительно к тем преимуществам, которые в данный момент дает ему та или иная идеологическая мебель.

Горький не устает разоблачать гнилое мешанское цуто этой интеллигенции, привыкшей считать себя «солной землей» и искренно думающей, что без нее культура обречена на гибель. В знаменитых статьях «Механический гражданин» СССР, «О солдате», «О безомыслительской литературе» и др. Горький со скульптурной выразительностью показывает

трусливую и предательскую природу людей, воркующих о свободе личности, о культурных традициях, о принципах гуманизма, а на деле неуклонно порабащивающих массы интересам капитализма, держащих народ в неволе, сочувствующих и активно содействующих бесчеловечной политике буржуазии. Здесь великий пролетарский писатель адресуется не только к отечественному, но и к мировому человечеству, нашедшему свое законное выражение во втором Интернационале. С глубокой и страстной ненавистью возвращается Горький в своей публицистике к фальшивой морали этих рыцарей капитала, к их подлой двоедушной практике обмана масс.

«Социалисты на службе капитала» — одно из наиболее мерзостных явлений буржуазного мира. Чувствуя себя в прошлом грешниками против бога своего, они особенно ревностно и усердно служат ему в настоящем, всечески утверждая бытие божие. Они защищают и охраняют капиталистический «порядок», при котором возможна безработица для свыше 30 млн. рабочих». Они защищают рабство в колониях, которое, по признанию газеты «Матен», является неотъемлемой частью цивилизации Европы... Разумеется, цивилизация, не только сажая в тюрьмы, убивая, но и проповедуя изумительно глупую религию христианства, для чего в колонии посылаются на множество миссионеры, спиртные напитки, библии, гнилые ткани, опиум, а также старое оружие для междоусобиц между разрозненным населением колоний. Все это, разумеется, гнусно, но к этому привыкли даже «гуманности» Европы, «интеллигентные» люди, которые считают себя «солной христианской культурой» («Ураган, старый мир разрушающий» — 1931 г.).

Разъясняя трудящимся СССР и зарубежных стран истинную природу социал-демократии, вскрывая смысл всех контрреволюционных легенд, распространяемых агентами капитала, вроде легенд о принудительном труде, о дегрессии личности в СССР, о падении нравственных устоев советской молодежи и т. п., Горький с особенной силой и трагичностью обрушивается на буржуазных гуманизмов, являющихся одним из наиболее тонких средств обмана неопытных масс, отвлечения их энергии в сторону «всечеловеческих» надклассовых абстракций. Горький углубило и настоячно разрабатывает философию пролетарского, революционного гуманизма, ничего общего не имеющего с христианским человеколюбием прессы и лордов, бездельничавших патронах и лидеров второго Интернационала. Он становится певцом пролетарской ненависти, ибо «колониальный, искренний революционер Советских социалистических республик не может не носить в себе сознательной, активной, героической ненависти к подлому врагу своему» («Пролетарская ненависть» — 1935 г.).

Высшая мораль революции в том, чтобы враги народа, подло предавшие его интересы, были начисто уничтожены!

Таков лейтмотив статей Горького о буржуазном гуманизме, статей, которые советский читатель будет сейчас перечитывать с новым чувством. Слово оно только на-днях вышло из под пера неподкупного, сурового художника пролетариата. В них постоянно присутствует мысль о капиталистическом окружении, о бедности, как главном условии нашего дальнейшего продвижения, о необходимости беспощадной, последовательной ликвидации всех, кто посягает на завоевания социалистической революции.

Не приходится доказывать, что Горький раньше и глубже всех художников современности постиг роль фашизма в подготовке нападения на Советский Союз, и ту страшную опасность, которую фашизм представляет для мировой культуры, для человечества. Трудно найти в советской и зарубежной литературе страницы, равные по сокрушающей силе тем, которыми Горький реагировал на деяния капиталистов XX века в Германии, Италии и других фашистских странах. Здесь мы сталкиваемся с

высшим напряжением ненависти, передающейся читателю, как ток, ненависти от сознания, что фашизм прежде всего — ничем не прикрытое, циническое истребление революционного, но безоружного пролетариата одиночками, но вооруженными хозяевами, капиталистами» («Пролетарская ненависть»).

Вся «теоретическая» мишура, в которую пытаются одеть свою философию человеконенавистничества фашистские идеологи, разлетается, как дым, от разящих ударов публициста и мыслителя, вооруженного ленинско-сталинской мыслью. Для читателя остается непреложной истина, что он имеет дело с «организованной отборной наиболее гнусной мерзавцев и подлейших для порабления всех остальных людей, для воспитания их домашними животными капиталистов», как писал Горький почти накануне своей смерти («О формализме» — 1936 г.).

В своем докладе на Первом всеоюзном съезде советских писателей, в прекрасной статье о Парижском конгрессе защиты культуры и в ряде других выступлений Горький дал развернутый анализ сущности фашизма и, в частности, его «органizationalной» идеологии — расовой теории. Он не устал повторять, что «теоретик и практика фашизма — авантюристы, выдвинутые буржуазией из своей среды» («О культуре»), люди беспринципные, равнодушные, «для которых «все — все равно» и которым безразлично, кого убивать», что «фашизм — есть порождение буржуазной культуры, находящейся уже в состоянии гниения и распада, ее раковая опухоль».

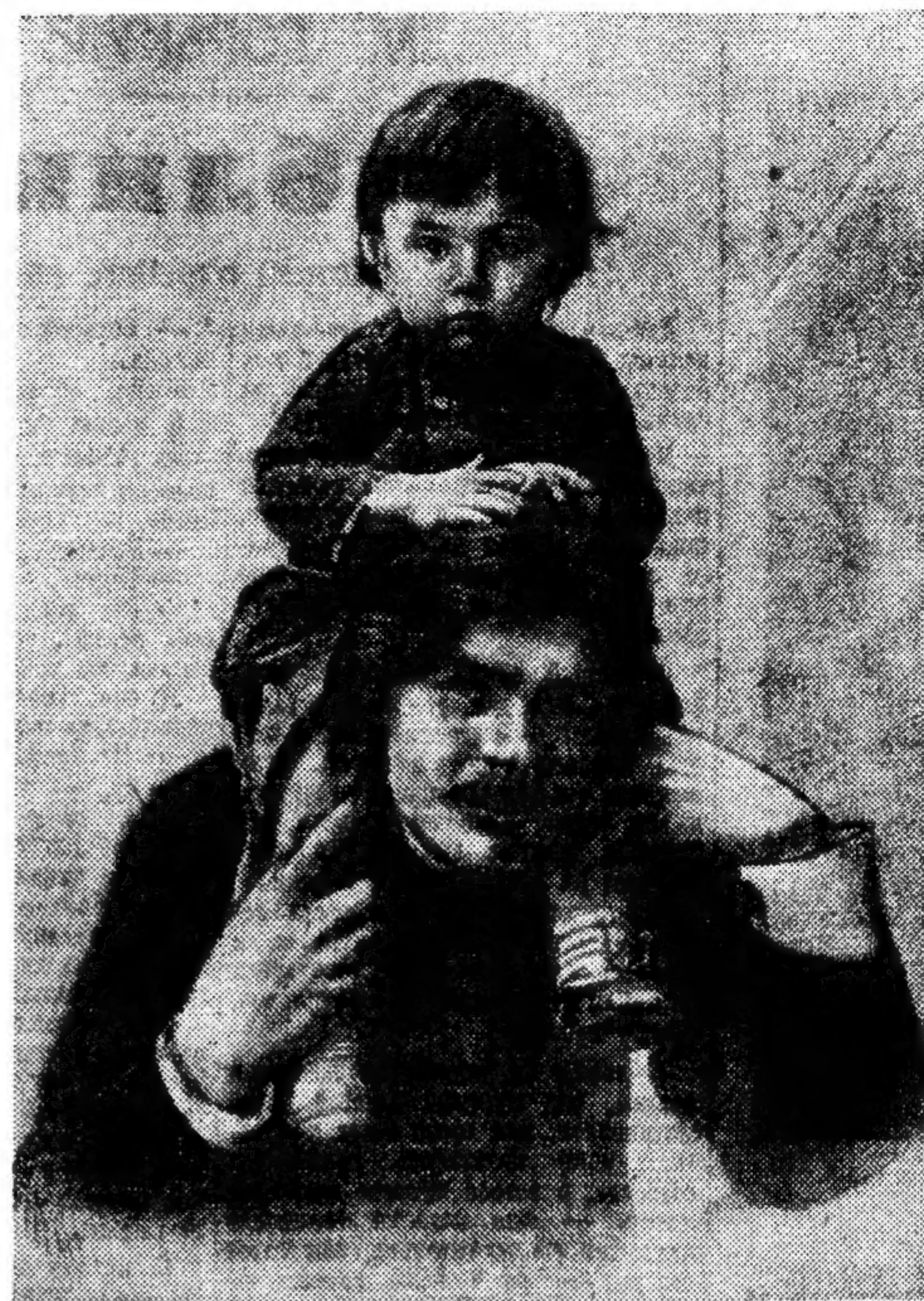
Вполне понятно, что наибольшую злобу бешеной фашистской галлии вызывает Советский Союз, являющийся самым могучим оплотом трудящихся всего мира в их борьбе против строя рабовладельцев и насильников. Горький пламенно признает народы этой страны — сомкнув те же свои ряды перед лицом фашистской опасности, не успокаиваясь на достигнутых победах, как бы велико они ни были. Нужно помнить, что враг хитер и изворотлив, он постарается и внутри самой страны использовать недовольство элементов, которых революция лишила их эксплуататорских привилегий.

«В массе рабочих Союза Советов», пишет Горький в статье «Гуманизм», — действуют предатели, изменники, шпионы бывших «союзных стран», хозяев, которые хотели бы восстановить свои владетельские права — вполне естественно, что рабочая крестьянская власть бьет врагов своих, как вошь».

А в «Литературных забавах» (третья статья) А. М. призывает помнить, что «банкиры, лорды, маркизы и бароны, авантюристы и вообще богатые жулики будут покупать и подкупать убийц, будут посылать их к нам для того, чтобы ударить в лучшее сердце, аравийский революционный разум пролетариата».

Слова эти написаны по поводу гнусного убийства Кирова иновьевско-троцкистскими бандами.

Год, прошедший со дня смерти Горького, принес новые разнотелые доказательства его правоты и дальности зрения. Только на-днях вся страна с яростью и гневом узнала о преступлении подлейшей банды долго маскировавшихся шпионов, фашистских наемников — Тухачевского, Уборевича, Корка и других мерзавцев. Преступники получили по заслугам. Можно представить себе, какого накала слова, какой грозной обличительной силы характеристики нашел бы верный сын революции А. М. Горький для того, чтобы заклеймить разоблаченную банду предателей и диверсантов! Каким набатом прогремела бы его речь, какой непримиримой ненавистью к врагу жаждала бы она сердца всех трудящихся и какой решимостью к дальнейшей борьбе за социализм, за полное торжество новой, подлинно человеческой и человеческой морали, основы которой о гениальной простоте сформулированы в Сталинской Конституции!

А. М. Горький со своим сыном Максимом. (Снимок сделан в 1900 году)

Борец за литературу братских народов

Советская власть открыла перед литературой народов СССР неисчерпаемые горизонты. Она дала национальным писателям возможность общаться со 170-миллионным читателем. Сейчас нет ни одного значительного советского произведения, написанного хотя бы на языке самого маленького народа, которое не стало бы достоянием всей советской общественности и не входило бы в общий фонд литературы страны социализма.

Результаты ленинско-сталинской национальной политики особенно чувствуются теми писателями из братских народов, литература которых началась еще в условиях царской власти. Ведь в то время издание какой-нибудь «инородческой» книги в переводе на русский язык было мучительным предприятием. Если какому-нибудь «фанатику» приходило в голову перешагнуть границы национальной замкнутости и познакомиться со своей литературой русских читателей, то он должен был искать богатого «мecenата» — единомышленника или обратиться к какой-нибудь «благотворительной» организации.

Если армянская литература являлась исключением из этих мрачных «правил», то это произошло всецело благодаря инициативе и поддержке Алексея Максимовича Горького.

К сожалению, роль Алексея Максимовича по отношению к литературе братских народов недостаточно освещена.

Незадолго до начала мировой войны Максим Горький приступил к осуществлению огромной программы по налаживанию литературы, делавшей общую с русским народом политическую судьбу. В издательстве «Нарус» должны были выйти собрания литератур: латышской, литовской, финской, армянской, грузинской, таджикской, средне-азиатских народов и т. д. Некоторые из них уже вышли в свет до войны.

Максим Горький в 1916 году при-

нял группу молодых армянских литераторов, оказал им моральную поддержку в их начинании, обласкал их и дал необходимые советы и указания.

Результатом этой исключительной заботы было появление двух больших антологий армянской поэзии и прозы в переводах лучших поэтов и переводчиков того времени: 1) «Поэзия Армении», которая вышла в свет в 1916 году под редакцией В. Брюсова и 2) «Собрание армянской литературы», вышедший в том же году под редакцией самого Максима Горького.

Горький был единственным писателем до революции, который ценил, любил литературу братских народов, знал эту литературу и открыл перед ней дверь в великую русскую литературу.

Поэтому, когда три года тому назад по инициативе правления Союза советских писателей СССР возникла мысль об издании новой антологии армянской поэзии, начиная с древнейших времен до наших дней, то армянская литература общественности снова обратилась к своему старому другу Максиму Горькому с просьбой редактировать эту антологию. Горький и на этот раз не пожал своего времени и труда и, несмотря на чрезмерную загруженность и болезнь, согласился быть главным редактором книги.

Незадолго до смерти Алексея Максимовича отредактировал ее и дал, необходимые, конкретные указания. Сейчас книга печатается. Она скоро выйдет в свет. К сожалению, вдохновитель и ценнейший редактор не увидит ее.

Но эта книга будет еще одним доказательством той неизменной любви великого пролетарского писателя, которую он пытался в литературе братских народов.

НАРЕН МИКАЭЛЯН

Мысли М. Горького

Наш советский писатель не может быть только профессиональным литератором, это — живое лицо, живой энергичный участник всего того, что творится в стране.

(Речь на пленуме правления союза советских писателей, 1935).

★
Художник — чувствительнее своей страны, своего класса, уха, око и сердце его; он — голос своей эпохи. Он обязан знать как можно больше и чем лучше будет знать прошлое, тем более понятным явится для него настоящее время, тем сильнее, глубже почувствует он универсальную революционность нашего времени и широту его задач. («О том, как я учился писать», 1928).

★
Многоословно и давно уже спорят о том, надо ли учиться у классиков? Моё мнение: учиться надобно не только у классиков, но даже у врага, если он умный. Учиться не значит подражать в чем-то, а значит осваивать приемы мастерства. («О литературе», 1931 г.).

★
Побольше читайте хороших мастеров словесности... Следите за языком, обогащайте его. («Письма начинающим литераторам», 1930).

★
В числе грандиозных задач создания новой, социалистической культуры перед нами поставлена и задача организации языка, очищения его от паразитного хлама. Именно к этому сводится одна из важнейших задач нашей советской литературы... Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за оружие культуры. («О языке», 1934).

★
История культуры учит нас, что язык особенно быстро обогащался в эпохи наиболее энергичной общественной деятельности людей, вместе с разнообразием новых приемов труда и обострением классовых противоречий. («Беседы с молодыми», 1934).

★
Историк литературы, говоря о росте русского языка, скажет, что язык этот создали Пушкин, Тургенев и Чехов. («По поводу одного рассказа А. П. Чехова», 1900).

★
Неоспорная ценность дореволюционной литературы в том, что, начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевой хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий, прекрасный язык», который служил дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого. («О языке», 1934).

★
Немецкая книга журнала даст своим читателям впервые переводы на немецкий язык рассказов «Страсти-мордасти» и отрывок из четвертой книги «Клима Самгина». Кроме того будет напечатана статья Г. Лукача «Человеческая комедия в дореволюционной России».

ЗАБОТА ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ О НАЧИНАЮЩИХ

Неопубликованное письмо

1928, 23 октября.

ВЕРЕ ЖАНОВОЙ.

Судя по Вашему письму, Вы — человек хороший, умный, значит — Вы не огорчитесь, если я скажу Вам правду, которая всегда более или менее горьковата, — такова уж ее природа.

Что Вы умница, — об этом говорит Ваша оценка Ваших же стихов: Вы пишете: «Мне кажется, что стихи мои никуда не годятся, они плохи и я хочу бросить писать». Это — верно, стихи очень плохи, но Вы должны знать, что в 14 лет от роду и Лермонтов и многие другие прекрасные поэты писали тоже скверные стихи.

Нет, Вы не бросайте писать, но учитесь писать хорошие стихи, вот это будет правильно. Не печальтесь, не торопитесь, заслужите чьи-то похвалы, почитайте мастеров стиха: Пушкина, Лермонтова, Фета, Фаворского, даже мрачного Сологуба. Если у Вас не было ни Вам каких-либо книг? Читайте больше, внимательно, учите, учите и — кто знает? — может быть года через 3 — 5 лет начнете писать отлично. А пока пишите для себя, не показывая людям стихи Ваши. Это — для того, что неосторожные или мало сведущие люди могут похвалить Вас, а похвала — неосторожная, немудрая — может повредить Вам, милый мой далекий человек.

Всего доброго!

М. ГОРЬКИЙ.

23/X—28 г.

Примечание. Оригинал письма А. М. Горького к Вере Жановой хранится в архиве А. М. Горького при Институте литературы имени А. М. Горького.

ГОРЬКОВСКИЕ НОМЕРА ЖУРНАЛОВ

«Литературный критик»

Горьковская книга (№ 6) «Литературный критик» содержит много критических работ. В первую очередь из них нужно отметить статью Ю. Юзефовича «Герои и темы Максима Горького».

Автор прослеживает творческую эволюцию Горького, дает анализ ведущих тем творчества великого пролетарского классика. Он резко критикует взгляды некоторых литературоведов, которые «в раннем романтизме» (Горького) видят некоторый конфликт с позднейшим реализмом и «старается, если не ликвидировать, то обогатить этот неяркий романтизм, отвлечь у него максимум горьковской территории».

Статья И. Сергеевича знакомит с борьбой Горького против декадентской литературы. С этой работой тесно сопряжена переписка, напечатанная в «Самарской газете» (1896 г.) статья Горького «Полю Верлен и декаденты», в которой писатель вскрывает социальные корни декадентского творчества. Статья полна глубоких мыслей и тонких замечаний писателя. Она ярко отражает отношение молодого Горького к поэзии Малларме, Верлена.

«Декаденты», — пишет Горький, — люди, знаменитые от массы перелетных впечатлений, чувствующие в себе поэтические струны, но не имеющие в душе камертонов в виде какой-либо определенной идеи, — юноши, ждавшие жизни, но истощенные еще до рождения».

В номере впервые публикуется статья Горького «О реакционном романтизме», «сварожности» Жуковского. Статья внята из курса истории русской литературы, изданного писателем в 1909 г. рабочим в каприжной партийной школе.

В журнале печатаются также критические статьи В. Александрова — «Образ матери», Андрея Платонова — «Пушкин и Горький», А. Лавренко — «Историко-литературные взгляды Горького» и др.

«Интернациональная литература»

Русская и иностранные редакции журнала «Интернациональная литература» отмечают в книжках этого номера годовщину смерти Горького различными материалами.

В русской книге журнала печатается большая статья А. Лейтеса «Письма Горького».

Французская редакция опубликовала в год малоизвестные рассказы Горького, новый текст пьесы «Восемь Женщины», письма писателя к Леониду Андрееву и Чехову, статьи А. М. об искусстве, литературе и т. п.

В шестой книге французской редакции помещает перевод под заголовком «Год без Горького», а также статью А. М. о «Сирине де Бармаре», напечатанную в 1900 году в «Нижнегородском листке». В одной из последующих книг французская редакция будет печатать главы из четвертой книги «Клима Самгина».

Английская редакция «Интернациональной литературы» печатает воспоминания Георгия Шторма и И. Бабаля, а также рассказ Горького «Страсти-мордасти».

Немецкая книга журнала даст своим читателям впервые переводы на немецкий язык рассказов «Страсти-мордасти» и отрывок из четвертой книги «Клима Самгина». Кроме того будет напечатана статья Г. Лукача «Человеческая комедия в дореволюционной России».

МИЛЛИОНЫ КНИГ ГОРЬКОГО — ДЕТЯМ

Около двух миллионов книг Горького даст детям в текущем году Детиздат ЦК ВЛКСМ.

В хорошем оформлении, с рисунками художника Б. А. Дехтерева, будет издана трилогия «Детство», «В людях» и «Мои университеты». Каждая из книг издается 25-тысячным тиражом.

В серии «Книга за книгой» выйдут рассказы «Дядя Архип и Ленька» и «Дети» — 100-тысячным тиражом каждая.

Таким же тиражом вышла на-днях первая книжка «Историко-революционной библиотеки» — «9 января». Следующая книжка готовится специально для Горьковскую серию. Десять названий этой серии — «Маяк Чудра», «Челюшкин», «Сказки об Иване», «Дружини» и др. — составят один миллион горьковских книжек для ребят.

Первый выпуск этой серии появится в продаже к годовщине смерти А. М. Горького.

Несколько сот тысяч книг Горького даст школьная серия Детиздата. Детские школьные будут изданы: «Детство», «В людях», «Мои университеты», «9 января», «Мать» и один миллион избранных произведений Горького.

Последняя встреча

Известно, как много внимания уделял Алексей Максимович Горький русскому народному творчеству. Очень интересовался Алексеем Максимович и искусством Палеха.

Художники Палеха встретились с Алексеем Максимовичем на его даче в Горках в мае 1935 года. Великий писатель в беседе с ними как бы подождал этого рабочего палехан за время революции.

Помню его слова:

— Меня особенно поражает и радует в ваших работах жанерность, яркость красок, умелое композиционное построение сюжета и логическая, точная техника отделки вещей.

Говоря о тематике наших произведений, Алексей Максимович выразил уверенность, что мастера, обладающие такой высокой техникой, сумеют создать произведения, отвечающие вопросам социалистической эпохи.

Особенное внимание рекомендовал Горький уделять антирелигиозной тематике.

В нашей беседе принимал живейшее участие состоявший в то время у Алексея Максимовича друг нашей социалистической родины, французский писатель Роман Роллан.

Вскоре после встречи с Горьким у меня возникла мысль — дать на Парижскую выставку несколько произведений на антирелигиозные темы.

Со времени этой беседы я почти исключительно посвящаю себя работе над антирелигиозными темами.

И. В. КОЛЕСОВ

художник-палеханин.

ГОРЬКОВСКАЯ ДЕКАДА В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА

Центральный парк культуры и отдыха и Союз советских писателей СССР открывают сегодня в парке декаду, посвященную памяти великого пролетарского писателя и борца за коммунизм А. М. Горького.

Траурное собрание Академии наук и ССР СССР совместно с представителями московских общественных, научных и культурных организаций, состоится сегодня, в 7 ч. вечера, в Зеленом театре ЦИКа. Вступительное слово на собрании произнесет В. Ставский. С речами выступят — академики В. Л. Комаров, Г. М. Кржижановский, И. А. Орбели и советские писатели Вс. Иванов, А. Фадеев, К. Федин, Г. Панферов, П. Павленко, Г. Гладков, А. Новиков-Прибой и др.

ВЕЧЕР ГОРЬКОГО В ДОМЕ СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

20 июня в Доме советского писателя состоится вечер памяти А. М. Горького.

С воспоминаниями о великом пролетарском писателе выступят: Вс. Иванов, П. Павленко, Г. Панферов, А. Фадеев, К. Федин и другие советские писатели — прозаики, поэты и драматурги.

А. М. Горький и Роман Роллан

...РАБОЧИЕ И ВСЕ ТРУДЯЩИЕСЯ ВИДЯТ В ГОРЬКОМ СЕБЯ, СВОЕГО ЧЕЛОВЕКА, СВОЮ ЖИЗНЬ—СУДЬБУ, СВОЕ БУДУЩЕЕ.

(В. Молотов)

Б. РОЗЕНФЕЛЬД

Горький о фольклоре

Глубокий интерес А. М. Горького к фольклору уже не раз отмечался в нашей литературе. В докладе Алексея Максимовича на I всесоюзном съезде советских писателей мысли о народном творчестве занимают настолько существенное место, что это не могло не привлечь внимания самых широких писательских, литературоведческих и читательских кругов.

Тем не менее следует признать, что мы далеко еще не в достаточной степени изучили и освоили наследие, оставленное Алексеем Максимовичем в области фольклористических проблем.

По существу не было еще констатировано, что высказывания величайшего социалистического писателя о народном творчестве представляют собой не отдельные разрозненные мысли, а целую стройную концепцию, в которой получают разрешение существующие принципиальные проблемы фольклористики.

Вопрос о природе фольклора, проблема реализма в народном творчестве, вопросы о характере и значении фантастики в сказках и мифах, о коллективности в народном творчестве, о приемах типического обобщения в эпическо-поэтических образах, о ценности фольклорных проведений, о значении фольклора для литературы и т. д. и т. д., — на все это в высказываниях Алексея Максимовича мы находим ясные и глубокие ответы.

Ни один фольклорист-специалист не раскрывал с такой глубиной самое существо фольклора, о какой сделал это А. М. Горький.

Фольклор, согласно взглядам А. М. Горького, — это художественное творчество широчайших масс трудового народа. Тем самым фольклор — начало и подлинная основа исторического развития искусства во все времена и на всех этапах:

«Народ не только — сила, создающая все материальные ценности, — писал А. М. Горький еще в 1908 году, — он — единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, прародитель и первооснова культуры, философии и поэзии, создавший все великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры».

Эта мысль о глубоководных трудовых истоках искусства настойчиво подчеркивалась А. М. Горьким и в высказываниях последних лет его жизни:

«Кто превращал в искусство тяжелейший, ежедневный труд сначала — на себя, а затем — на господ? — спрашивает А. М. в статье «Об искусстве» (1935 г.) и отвечает: «Основными источниками искусства были гонимые, калеки и златокузнецы, ткачи и кузнецы, каменщики, плотники, резчики по дереву и кости, оружейники, маляры, портные, портняжки и вообще ремесленники, люди, чьи артистические деловые вещи, радуя тысяч глаз, наполняли музеи».

Именно эта трудовая основа народного творчества и определяет художественную полноценность произведений фольклора:

«Я снова обращаю ваше внимание, товарищи, на тот факт, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа, — говорил А. М. в своем докладе. — Совершенство таких образов, как Гекльберри, Прометей, Мухомор, Селиванович, Святогор, далее — доктор Фауст, Василиса Премудрая, Илья Муромец, Иван-дурак и наконец Петрушка, победоносный доктор, поппа, полицейского, чорта и даже смерти, — все это образы, в создании которых гармонически сочетались рациональное и интуиция, мысль и чувство. Такое сочетание возможно лишь при непосредственном участии создателя в творческой работе действительности, в борьбе за обновление жизни».

Отсюда — присущие фольклору народные творчество реализм и оптимизм, что тут же подчеркивается Алексеем Максимовичем:

«Трудовая природа фольклора определяет реалистический характер даже тех его жанров, которые на первый взгляд представляют наиболее абстрактные, фантастические. В целом ряде случаев высказывания А. М. Горького о полной убедительности раскрытия реалистического начала народной сказочной фантастики и мифологических образов. Отсюда — глубокая познавательность этой фантастики и ее положительное воспитательное значение: «В сказках прежде всего поучительная «выдумка» — изумительная способность нашей мысли заглядывать далеко вперед факта. О «оградах-самодетах» фантазия сказочников знала десятки веков до изобретения аэроплана, о чудесных скоростях передвижения в пространстве превращала задолго до паровоза, да газы и электромотора».

Потому-то Алексей Максимович настойчиво обращал внимание на значение сказки для молодых писателей, на ее ценность в качестве детского чтения.

В полном соответствии с оценкой фольклора В. И. Лениным как выражения народных чаяний и ожиданий, А. М. Горький видит в устной поэзии художественно воплощенную историю трудового народа: «Подлинную историю трудового народа, — говорил он в докладе, — нельзя знать, не зная устного народного творчества».

Фольклор как творчество народных масс — создание коллектива, и именно фольклор — источник и основа индивидуального искусства: «... лучшие образцы индивидуального творчества дают нам великолепно ограниченные драгоценности, — писал Горький в пятидесятилетней статье, — но эти драгоценности были созданы коллективной силой народных масс. Искусство — во власти индивидуума, к творчеству способен только коллектив. Звезда создала народ, Фидий воплотил его в мрамор».

Эта позиция А. М. Горького подчеркивает длинным рядом примеров, называя имена величайших мастеров искусства: Шекспира и Байрона, Мильтона и Данте, Гете и Шиллера, Пушкина и Лермонтова и т. д. и т. д.

Богатством векового опыта масс, строгостью коллективной проверки объясняется широта типической обобщенности фольклорных образов, и потому-то величайшие образы литературы — Отелло, Гамлет, Дон-Жуан и др. — восходят к образам народного творчества: «Лучшие произведения великих поэтов всех стран почерпнуты из сокровищницы коллективного творчества народа, где уже зарежены даны все поэтические обобщения, все прославленные образы и типы». И в этой плоскости А. М. Горький не провозгласил принципиальной разницы между методом художественного обобщения в литературе и фольклоре.

Но если величайшие образы литературы (Дон-Жуан, Фауст и пр.) представляют собой драгоценности народного творчества, ограниченные мастерами-писателями, то такое же соотношение устанавливает А. М. Горький и между языком народным и языком литературным:

«Мне будет напомнить, что язык создается народом. Лексика языка на литературный и народный язык не только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастером. Первым, кто искренно полюбил это, был Пушкин, он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как надобно обрабатывать его».

Сам А. М. Горький неустанно учил писателей искусству обработки народного языка. И здесь он исходил из языка языковости с трудовой деятельностью народного масс: «... все слова рождены трудом, трудом — говорил А. М., — поэтому язык является костью, мускулом, нервом, кожей фактов, и поэтому точность, ясность, простота языка совершенно необходимы для того, чтобы правильно и ярко изображать процессы создания фактов человеком и процессы выявления фактов на человеке».

Точность, ясность, простота — основные требования, которые предъявляет А. М. Горький к языку литературы. Этим качеством он советовал учиться на образцах фольклора:

«А писать нужно просто, как будто беседа по душе с милейшим другом, с лучшим человеком, от которого ничего не хочется скрыть, который все поймет, все оценит с полуслова».

В простоте слова — самая великая мудрость, поставивши и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги».

На ценность языка словесный Горький указывал в целом ряде статей. Высоко ценил он народное словотворчество и в частушке:

Столь высокая оценка языка народного поэзия не означает, однако, для А. М. Горького фетишизации всякого рода вульгаризмов и провинциализмов, свойственных бытовому языку. Наоборот, великий мастер художественного слова, овладевший всеми приемами подлинно народной речи, упорно боролся против засорения языка низкими диалектизмами:

«Если в Дмитриевском уезде употребляют слово «хрыдун», так ведь не обязательно, чтобы население остальных 800 уездов понимало, что значит это слово».

То же следует сказать и о слове «дефта» вместо — девки.

У нас в каждой губернии и даже во многих уездах есть свои «говора», свои слова, но литератор должен писать по-русски, а не по-явотски, не по-балаховски».

Требование теснейшей связи писателя с народным творчеством как со стороны языка, так и со стороны ма-

стерства образотворчества вообще — один из существеннейших принципов в художественном методе Горького. Еще в 1904 г. Горький писал В. И. Анучину:

«Получил ваши легенды и словарь. Спасибо. Вы так богаты фольклорным материалом, что я вам завидую. Писатель, не обладающий знаниями фольклора, — плохой писатель. В народном творчестве скрыты беспредельные богатства, и добросовестный писатель должен ими овладеть. Только тут можно изучить родной язык, и он у нас богат и силен».

Интересы и требования А. М. Горького в этой области отнюдь не ограничивались пределами только родного языка: повторяя свою излюбленную мысль на съезде писателей, А. М. призывал к внимательнейшему собранию и изучению фольклора в других народах нашего Союза.

Известна та высокая оценка, которую давал А. М. творчеству выдающихся мастеров народной устной поэзии.

М. Горький решительно выступил против буржуазного извращения народного творчества, против буржуазной фольклористики, отрицавшей творческую одаренность народных масс, стремившейся и стремились использовать факты фольклора в реакционных целях.

Глубоко проникновенное понимание ценности народной поэзии великий социалистический писатель клал в основу своих решений существеннейших проблем современного искусства — искусства социалистического реализма.

Ставя перед советскими художниками огромные задачи, выдвигавшие нашей великой эпохой, А. М. Горький опять и опять говорит о народном творчестве, видя в нем неисчерпаемые возможности новых художественных достижений.

«Действительность — монументальна, она давно уже достояние широких масс, широких обобщений в образах; наша критика должна поставить перед собой вопрос: чем она может помочь литератору, и может ли современный литератор при той технике, при тех приемах, которыми он обладает, может ли он дать эти обобщения, эти синтезы? Не следует ли искать возможности объединения реализма и романтизма в нечто третье, способное изображать героическую современность более яркими красками, говорить о ней более высоким и достойным ее тоном?»

Труд, все разрешающий труд, который, даже действуя поделово, но бессмысленно поглотителю живой человеческой силы, всегда давал ключ ко всем тайнам жизни, а ныне у нас не только возрождает, а превращает старинную легенду о подвигах Геркулеса и боготворит Прометея, — вот он, подлинный герой нашей действительности!»

И А. М. Горький с глубокой уверенностью говорит о том, что в наших условиях народное творчество не только не может иссякнуть, но идет к новому, небывалому расцвету:

«...нам надобно признать, что способность трудовых масс к образному творчеству снова возникает и должна возникнуть, ибо революция освобождает человека не только социально, физически, но и эмоционально, интеллектуально».

Мысль о создании монументального искусства, формы и средства которого были бы адекватны героическому содержанию нашей действительности, — одна из излюбленных мыслей А. М. Горького, тесно связанная с его представлением о народном устном героическом эпосе.

Однако, это отнюдь не означает, что А. М. Горький предлагал прямолинейное и механическое использование старых форм для нового содержания, он лишь настаивал на глубокой поучительности многовекового художественного опыта коллективного народного творчества.

Трудно исчерпать все богатство мысли Алексея Максимовича о фольклоре. Нам хотелось лишь показать систематичность и многогранность высказываний великого писателя в этой области, наметить основные моменты в его общей концепции, которая должна быть нам полезна в основу нашей дальнейшей работы в области фольклористики, да и не только фольклористики.

Такие существеннейшие проблемы нашей современной литературы, как проблема народности, проблема героического эпоса и монументализма в стиле социалистического реализма, проблема борьбы за культуру языка, борьба против формализма и натурализма и т. д. и т. д., — не могут быть разрешены полно и глубоко без серьезнейшего изучения высказываний величайшего социалистического писателя о народном творчестве.

Иллюстрация Е. Белухи к повести М. Горького «В людях»

Я. РОЩИН

КЛАССИК ПРОЛЕТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ

Конференция, созванная Всероссийским театральным обществом на тему «Горький и театр» (13—16 июня), положила начало серьезной работе по обобщению материалов, характеризующих драматургическую деятельность Горького и его влияние на русский театр.

Общезвестно, как из кожи лезли вон всякого рода декаденты, символисты и формалисты для того, чтобы признать значение горьковского драматургии, доказать ее якобы несуществующую, антихудожественность, использовать ее как одно из многих «доказательств» «конца писателя».

Такой прием пьес Горького со стороны представителей улопочной мысли был вполне закономерен: их классовая природа была чужд и враждебен весь дух творчества пролетарского писателя. В оптимизме Горького, как правильно указал в своем интересном и обстоятельном докладе т. Ю. Юзовский, не было и намек на жертвенную философию народного бора. Это был оптимизм действия, борьбы, отчаянного сопротивления собственному началу, оптимизм народа, мечтавшего о справедливой жизни и готовящегося эту жизнь завоевать.

Горький в своих пьесах с большой убедительностью, в полнокровных художественных образах, раскрыл логику классовых отношений в дореволюционной России, либерализму, звериной природе капиталистического класса и в то же время показал силы, обретающие этот класс на полное его поражение.

Вот почему каждую реплику горьковских персонажей буржуазный критик воспринимал как вызов и о пени у рта требовал, волею за «критиком» Волжским, чтобы «из литературы убрал этого мастера», вот почему царская цензура бесконечными репрессиями пыталась парализовать действие драматургии Горького, всячески мешала театрам установить контакт с революционным писателем.

Но это были попытки с негодными средствами. Мощное слово Горького прорывало сквозь все преграды и поднимало своего великого и живое, честное, прогрессивное, что имело в русском обществе. Постановки горьковских пьес Московским Художественным театром, театром В. Ф. Комиссаржевской и рядом провинциальных театров неизменно превращались в крупные политические события, сопровождавшиеся бурными демонстрациями революционно настроенной молодежи.

Хорошо освещал на конференции эту полосу русской театральной жизни т. С. Дурылин в докладе о сценической истории пьес Горького.

Анализ творчества Горького в пролетарской драматургии приводит к выводу, что великий художник пролетариата создал свой театр, богатый идеями, обильный прекрасными образами, сильными своим превосходным языком.

Только теперь, благодаря Великой Пролетарской революции, мы получили замечательный жизненный комментарий к драматургическому наследию Горького, комментарий, делающий возможным несправедливо более верное и глубокое раскрытие горьковских образов, чем это было в дореволюционные годы.

В этом надо искать разгадку того небывалого увлечения драматургией Горького, которое мы наблюдаем в последние годы в советском театре.

Эта драматургия, — указывает другой докладчик, заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам искусств т. И. Боярский, — занимает ведущее положение в современном советском репертуаре. По количеству постановок — шестнадцать пьес Горького опережают даже Островского.

Для некоторых театров обращение к Горькому явилось поворотным моментом в их истории. Особенно ярко свидетельствует об этом пример театра им. Вахтангова и МХАТ.

Театр Вахтангова после ряда произведений («Авангард», «Путин», «Авангард» и др.) выправил свою линию, работая вместе с Горьким над его пьесами.

В спектакле «Егор Булычев» необычайно выросло, сложилось в одно из крупнейших артистов советского театра Б. Шуклин.

Таким же событием явилась и для МХАТ его новая встреча с Горьким: постановка «Врагов» знаменовала окончательный переход этого театра на путь социалистического реализма.

Но если на драматургии Горького много и упорно учатся сейчас работники театра, то тем более стоит эта задача перед советскими драматургами. Нечего греха таить: последние нередко еще подпадают к пьесам великого пролетарского писателя о критериях, заимствованных у эстетствующих слобод из формалистского лагеря. Неудивительно, что и продукция их отличается выхолащанностью, бедностью, скудным, монотонным языком.

У Горького же нет равнодушных слов и безликих персонажей. Его пьесы всегда насыщены большими идеями, они реалистичны в истинном понимании этого слова и не сводятся ни в вульгарный бытовизм, ни в психологизм, — в них есть подлинная острота конфликтов.

Обоснованное изучение требует язык горьковских пьес, предельно выразительный, сочный, афористичный, чудный дешевых нарочитости, диалектизм и псевдохарактерности. В советской драматургии это самое уязвимое место: наши писатели, — констатирует т. Боярский, — по роду работы приходится противиться множеству пьес, — пишущих чаще всего скупом, серым, немощным языком, предпочитая, вместо работы над ним, прибегать к другим, более «облегченным» приемам показа персонажей.

Учеба у Горького повышает культуру слова у этих писателей, позволяет им полнее использовать все богатство народной речи, усвоить ее живость и выразительность.

Любопытную страничку в творчестве Горького составляет его театральные рецензии. К сожалению, этот род его деятельности абсолютно не освещен в литературе, и надо признать, что почитатели Горького, посвятившие этой теме специальный доклад. Собранный им материал (около 45 рецензий в «Самарской газете» и пять рецензий в «Нижегородском листке») проливает яркий свет на театральные взгляды молодого Горького, уже тогда (1895—96 гг.) находившего прекрасные формулировки в борьбе за «художественную правду» на сцене и резко осуждавшего по поводу на внешних эффектах, неожиданных ситуациях, мелодраматической «перегрузкой» сюжета и т. д.

Интересно отметить, что уже в своих ранних высказываниях о театре Алексей Максимович отстаивал принципы «романтического реализма», впоследствии так ярко развернутые им в статьях о социалистическом реализме. Именно эти взгляды и обусловили было положительное отношение Горького к Малому театру, настрадавшемуся от эстетствующих рецензий, где содержалась разнузданная оценка спектаклей и — особо — актерского исполнения (Южная, Рыбакова, Правдина, Ленковская и др.).

Было бы, мы полагаем, не плохо, если бы издательство «Искусство» догадалось выпустить все статьи Горького о театре и драматургии в специальном сборнике.

На конференции выступили и доклады также проф. С. Балухин (Основные вопросы изучения драматургии М. Горького), проф. М. Григорьев («Драматургия Чехова и Горького»), Б. Ларин («О языке драм М. Горького»). Заслуженный деятель искусств Б. Захаев и заслуженная артистка республики С. Бирман поделились опытом работы над «Егор Булычевым» и «Васей Железняком».

Иллюстрация Д. Дарана к рассказу М. Горького «Счастливый мордастик»

В. ТРОИНОВ

ИЗ ЗАМЕТОК СОВРЕМЕННОГО

1902 год. В квартире Леонида Андреева, на Пресне, очередная литературная среда. Наблюдают все головы средостепей заведующих. В числе гостей — артисты Московского Художественного театра, адвокаты, газетные сотрудники. На этот раз собрание особенно многолюдно: А. М. Горький должен читать свою новую пьесу «На дне», но его еще нет.

Хозяин мероприятия прислушивается к каждому звуку. Наконец появляется Горький. Он, как всегда, в шерстяной куртке, рубашке, ботинках — сапоги. Смущенно улыбается, здоровается на ходу, как бы убеждая от обостривших его почитателей. Горького усаживают за чайный стол. Идет разговор о последних литературных новинках. Кто-то спрашивает Горького о рассказе Зайцева. Рассказ только что напечатан в газете «Курьер», но Горький уже успел прочесть его.

— Вещь надуманная. Человек схватил на сквозняке насморк. Простое дело, право. Но и тут непременно хотят пристыгнуть комсом для неведомых сил хаоса... Мода такая пошла.

Зайцев сидит тут же, за столом. Вначале меня несколько покоробило от такого резкого суждения в присутствии автора, но потом я убедился, что это было обычной манерой Алексея Максимовича — говорить откровенно. У него не было личной злобы против писателя. Имя являлось для него только прицелом, чтобы разогнать вредные течения новой литературы, стремившейся оторвать людей от борьбы, от земли, создать индифферентизм и голую символическую.

Леонид Андреев выступил на защиту Зайцева. Горький не поспешил и Андреева, который в ту пору считался его другом и подопечным.

— И ты, Леонид, повинен. Честное слово... Мысль — наши крылья. Она выносит нас из болота... А ты что сделал с ней в своем рассказе? Превратил ее в ложь. Наклепал на нее. Нехорошее дело, братец.

Горький пораил меня своей начитанностью и знанием истории. Когда тот же Андреев заявил ему, что он задумал написать несколько рассказов из древнеуездской жизни, Горький посоветовал ему прочесть Грета, Ренана.

— Я читал Библию, и мне этого достаточно, — заносчиво ответил Андреев.

Горький дал ему отповедь.

От Библии сильно воняет теологией. Писателю нужна эпоха, дух ее. Вот возьми Моисея. Читашь его, и видишь перед собой даже улюлю, где происходит сие. У домов дымят плашки с маслом. Темнота, туманность. По ночам из чердаков опариваются ведром нечистоты. Будут «золотая молодежь». В монастырях притоны проституции, фальшивомонетчики и всякая сволочь. И конечно — засекания, казни. Тошнот от крови... Думаешь, это роман? Нет, подлинная история «блестящего» царствования Карла II. А какая лепка лиц! Кажется, ты от них падаешь на страницы. Право... А что у нас? Уничтожь название книги, и не узнаешь, когда произошло описываемое событие. Не то при московском полицмейстере, не то во времена протопопа Аввакума. Не хорошо пишешь.

После чашки Горький приступил к чтению пьесы. Он сильно выволосился. Руги не находили себе места. Он то оглядывая уловительный подбородок, то проводил по зачесанным вверх волосам. Состав действующих лиц и описание картин первого действия прочла вяло, точно нехотя. Чувствовалась неуверенность в аудитории. Ну, кто знает по-настоящему ночлежку! Большинство присутствующих принадлежало к ситым, довольным людям, разрешающим социальные проблемы подписанием концертов в пользу бедных.

Но, когда Горький перешел к диалогам, он стал неузнаваем. Его голос послушно переходил от одной интонации к другой, мимика и жесты дополняли изображенное действующих лиц. Горький удивительно живо и сочно представлял всю группу своих героев с их поразительным разнообразием характеров. Вот тогда резко обозначился характер. Вот тогда

умирающей Анны, ее разговор с хитрым Лукой, умеющим примирить самые острые жгущие противоречия. Вот короткое, прелестьное решение барона и истеричский голос Нави, мечтательно рассказывающей о воображаемом по французскому роману излюбленном друге Зайцеве. За ними — сильные страсти Василья Пепеля и Василисы, спившийся актер, Наташа Бубнов, крикливо, лопочущий Алексей, тупой полицейский Меленев, по понятию которого «вербоход козлер слышит».

А вот презирающий мешанское счастье, уверенный в силе и правде человека Сатин. И так все семнадцать лиц, выступающих, как живые. Горький читал просто, без театрального пафоса. Его нижегородский, окский выговор, здесь, в чистке, совершенно не чувствовался. В двух-трех оценках Алексея Максимовича полнее к глазам платок и укралкой смахнул накатившие слезы: жалел чуткую, пылкую хорошею любви, Наташу. Пьесу «Солнце всходит и заходит» не прочел, а пропел, слегка дирижируя, по-певчески, рукой.

Позднее, я видел пьесу «На дне» на сцене Московского Художественного театра. В постановке видна была большая продуманность талантливых режиссеров, захваченных новизной сюжета. Артисты играли с большим подъемом и четкостью. В публичном варианте, что все артисты во главе с К. С. Станиславским ходили по ночлежкам Хитрова рынка и изучали типы их обитателей, а Вишневский, чтобы войти в роль татарина, завыл к себе на квартиру всех старейших татар и чуть ли не распустил всех своей гардероб.

Но в основном тон пьесы остался тот же, что и при горьковской читке. Очевидно, это был тот предел, который нельзя было переступить без нарушения художественной правды. По-новому сыграл только В. И. Качалов. Вернее: в роли барона он образ, соответствующий пьесе, — образ декадентского светского человека, органически сплотившегося с бокалой средой. В течение же Горького барон выглядел обыкновенным провинциальным интеллигентом.

Во время чтения пьесы все сидело тихо, прислушиваясь к месту. Боялись чихнуть спящий. Когда Горький кончил, все возмущенно молчали. Не хотелось сбиваться на обычный потопный разговор.

Обидели бы нашего старичка, Льва Толстого, — сказал один из литераторов — Вот подите же... Величайший изобразитель человеческих душ... И тоже писал о ночлежках, босниках. И проглядел, можно сказать, рассуждал в грязи богатство. Все у него сводится к мистическому пониманию жизни — по-божьи. И на босых-хитростях как на «явках хитростях». А вот вы, Алексей Максимович, дали истинную правду. Реально — только человек. Надо глубоко верить в человека, а как вы хорошо сказали, человек может добру научить... очень просто».

После обмена мнениями, точнее, возмущенных отзывов, к Горькому подошел Андреев и шутливо спросил его:

— Куда ты будешь деньги девать, Максимыч? Публика после пьесы еще больше кинется на твои книги.

Горький улыбнулся, пощипал свой нос.

— Это мне на сапоги пойдут. — И вслед за этим серьезно, озабоченно добавил: — Ладьямикову для эмигрантов дать нужно. Семьям петропавловцев дать нужно. Ситячникам тоже надо подкинуть. Витте, братец, скупой мужик. Помощь революции не включил в государственную роспись... А вот тут насчет Толстого горюшки. Подождите. Талантливый же неоскудный. Старик опять засел за своего «Халия-Мурата».

Взаимные отношения между Горьким и Толстым хорошо были известны. Посыпались вопросы, скоро ли и где будет напечатано новое произведение Толстого.

— Хлопочу, сильно хлопочу, — ответил Горький. — Уж мы со стариком договорились. Деньги от издания мне пойдут. На сапоги нужны.

Это любимое выражение «на сапоги» приходилось слышать от него всякий раз, когда дело шло о материальной помощи революционерам.

Иллюстрация Куприянова к роману М. Горького «Далеко Артамонов»

Рассказ «Мысль», напечатанный в «Русском богатстве».

Великая правда художника

Несколько лет тому назад орава человек в 50 — вся тогдашняя группа Вахтанговского театра — ввалилась к Алексею Максимовичу Горькому в его дом. Было начало сентября, еще не кончилось лето. В саду и в комнатах с широко распахнутыми окнами дышала золотая вечерняя прохлада. Сначала гости были одни, без хозяина, в свежих и прибранных комнатах. Минут через 10 появился и он. Был он похож на бесчисленное множество своих портретов и репродукций с них, высокий старик с умным, простым, угловатым лицом, с маленьким рыжий щетинкой над лбом, с вогнутыми внутрь сильными щеками. «Ух ты, сколько их!» — это было первое и очень естественное приветствие.

Мы кое-как разместились, в тесноте, за большим столом в комнате, вроде столовой, и Алексей Максимович начал чтение своей новой пьесы «Егор Булычев и другие». Читая, он непрерывно курил, наредка показывая куда-то глубоко внутрь, и оттуда глухо гудело. Голос тоже был глухой, небойкий интонациями, но необыкновенно серьезный. Было отчетливо видно, что Горький волнуется, и это удивляло и особенно трогало нас.

То, что принесли мы, — воспоминания, любовь, желание не пропустить ни одного слова, проверить сложившийся образ, — все это отозвалось в нем молчаливым чувством ответственности за себя и за свой труд. И уже по этому одному мы готовы были установить навсегда: Горький — замечательный.

По чести сказать, первое слушание текста «Булычева» дало не много. Горький читал, так сказать «себя» и попросту пропустил все три акта пьесы. Поэтому и наши тогдашние отзывы на чтение были путанными, детскими. Мы старались найти слова, а когда находили их, то кривили душой: мы ничего не поняли.

Горький серьезно, просто, сурово и без обиды видел это, и казалось, насколько не был обескуражен: ведь он знал все, что должно произойти потом. А потом произошло то, что он отдал нам «Булычева». Мы разошлись со своим утомом и начали вчитываться в рукопись, кто как умел. И рукописи начали жить. За сложными ее подтекстами, за жесткими драматическими, за видными как будто несущаями выступало другое, самое дорогое для театра: глубина и правда. Страшно выпуклыми становились образы. И было ясно, что автором сказано про них все, только вчитаться и поим.

Горького тогда уже не было в Москве, еще одну зиму он прожил в Италии. «Булычев» начал обрастать толстым волнением и нашими догадками. Об этих догадках мы писали Алексею Максимовичу, и он отвечал — сдержанно, весело и абсолютно точно.

И снова мы увидели его на первой генеральной репетиции «Булычева». Это был один из самых больших праздников нашего театра, и наверное никто из нас никогда его не забудет. Как смотрел Горький на раскрывавшиеся на сцене действие! Как ждал, что он прямолинейно и наивно ставил перед собой вопрос: похорошеет ли жизнь, так ли было? Отвечал на вопрос, и снова его ставил. Он не был ни автором, ни критиком, — даже зрителем он не был. Он судил о представлении как очевидец. И это полностью подтвердилось после окончания репетиции.

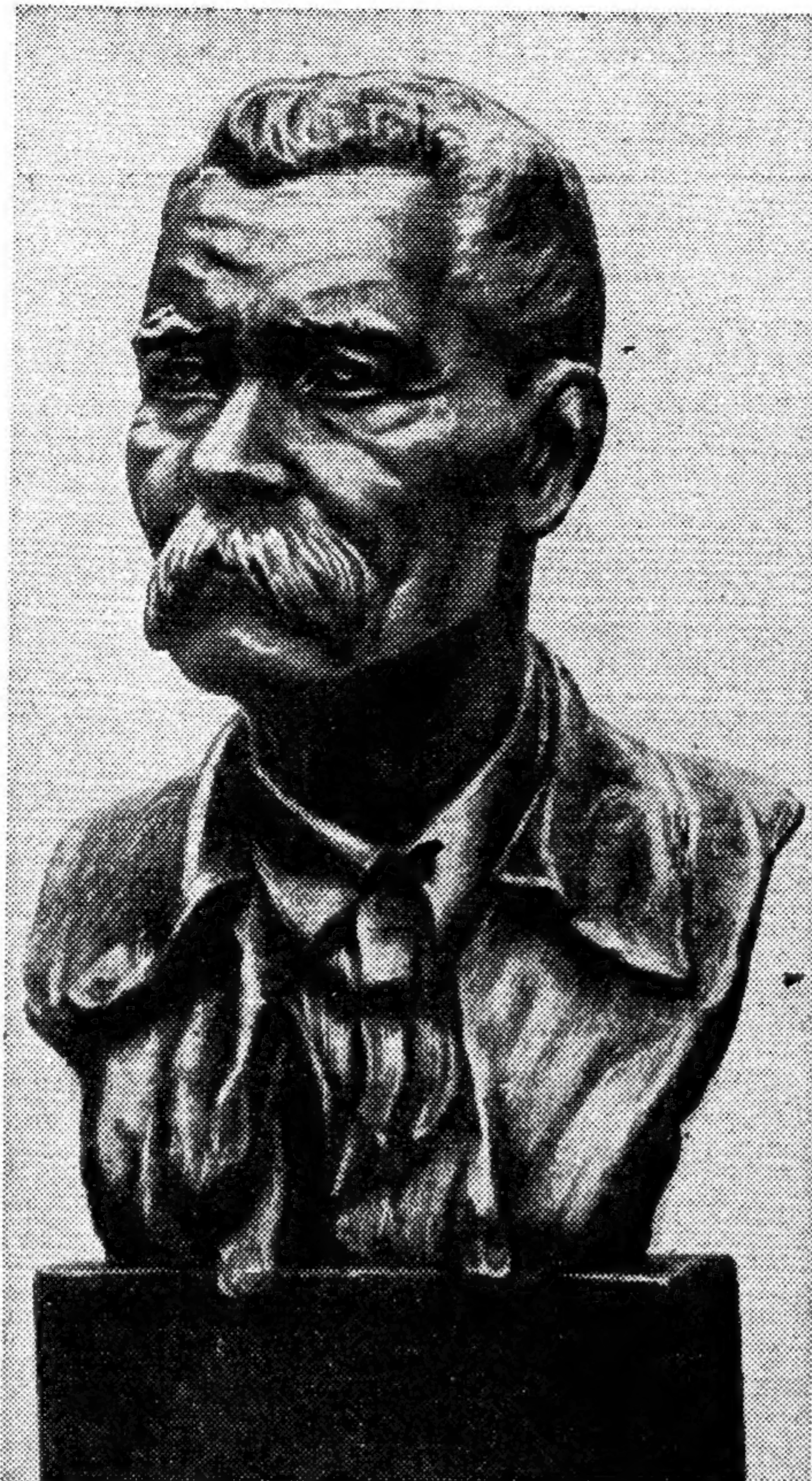
Алексей Максимович не критиковал и ничего не противопоставлял. Он просто рассказывал. О чем? О людях, созданных его воображением, но так, как будто они только что вышли в другую комнату. Он знал о них все, да и не только о них: о всех, подобных им. Это было похоже на ненаписанные страницы «Самгина», и это была импровизация.

Мелкое и личное переплеталось с историей класса, анекдот с притчей; купцы, помы, полицейские, их жены, слуги — все это пестро и старомодно одетое собрание мудрело, урчало, бездельничало, глело, обслуживало и обмывало. Это был огромный мир его фантазии и его житейского опыта.

И очень поучительно сопоставить с этим устным впуском Горького написанное им за последние годы, прежде всего «Клесса Самгина». Эта потрясающая книга будет расти и жить в представлениях миллионов читателейской массы, потому что эта повесть полна той жизни, утолком которой открылся перед нами в беседе с Горьким.

Сейчас творчество Горького вновь предстало перед нами в недавно вышедшем четвертом томе «Самгина». И он, и его судьба, и его личность, и его книги, наконец, — это великая правда художника, продолжавшего жить среди нас. Прекрасный, прозорливый, спокойный старик проходил рядом с нами по всем нашим дорогам. Он полон благожелательного мудрого доверия к каждому младшему. Его рукописи — это всегда обещание, всегда опора. И мы продолжаем вчитываться в оставленные им слова с чувством сыновней нежности.

П. АНТОКОЛЬСКИЙ.

Бюст М. Горького работы скульптора Крамнейского (Выставка московских скульпторов).

Тиражи произведений Горького

Творчество А. М. Горького давно уже стало достоянием широкого круга читателей. Его книги расходились в массовых, редких для дореволюционных лет, тиражах. Так, уже в 1906 г. в серии дешевой библиотеки товарищества «Знание» (ценою от 2 до 12 к.) вышло 34 рассказа Горького, специально отобранных автором, с тиражами отдельных книжек от 20.000 до 50.000. Несколькими изданиями с высокими тиражами вышли в 1909—1906 гг. рассказы «Дружок» и «Емельян Пятаков» в издательстве «Посредник».

Помимо изданий, зарегистрированных Книжной палатой, произведения Горького, запрещенные цензурой, распространялись тектографическим способом; большое распространение имели и зарубежные издания произведений писателя.

За период времени с 1893 г. по 1918 г. по сведениям Всесоюзной книжной палаты, было выпущено 102 издания произведений Горького с тиражом в 799.880 экземпляров. В первые годы революции, несмотря на тяжелейшую экономическую кризис, произведения Горького печатались массовыми тиражами издательством Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов. Отдельные издания достигали 150.000 экземпляров.

За 1918—1920 гг. было издано 48 изданий с тиражом в 2.670.500 экземпляров.

В наши годы с неослабевающим вниманием читателя к творчеству Горького, занявшего одно из первых мест по читаемости, говорит как библиотечная статистика, так и тиражи изданий писателя. С 1921 по 1927 гг. было выпущено 113 изданий с тиражом в 1.849.200 экземпляров.

За последние восемь лет — с 1929 г. по 1936 г. — было выпущено 297 изданий с тиражом в 23.544.850 экземпляров. Всего в 1918—1936 гг. было выпущено 458

изданий с тиражом в 28.064.550 экземпляров. Однако, несмотря на высокие цифры, произведения Горького на книжном рынке являлись недостаточными.

Особенной популярностью пользуются следующие произведения Горького (приводим отдельные издания без учета томов собрания сочинения): «Мать» — 21 издание общим тиражом 1.069.050 экземпляров.

«Детство» (16 изданий, тираж — 1.025.375), «В людях» (13 изданий, тираж — 560.000), «Мои университеты» (12 изданий, тираж — 490.000), «Дело Артамоновых» (11 изданий, тираж — 425.200), «Фомка Гордеев» (5 изданий, тираж — 160.000), «9 января» (12 изданий, тираж — 495.400), «В. И. Ленин» (7 изданий, тираж — 440.000), «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике» — 7 изданий, тираж — 335.250 экземпляров.

Публицистические статьи Горького (сборники статей и отдельные произведения) вышли в 35 изданиях тиражом в 12.057.390 экземпляров, а литературно-критические статьи — в 15 изданиях, тиражом в 348.940 экземпляров.

В школьной серии «Библиотека классиков» вышло 16 изданий в количестве 1.471.800 экземпляров; в «Дешевой библиотеке классиков» — 25 изданий (тираж 1.405.000); в «Массовой библиотеке» — 3 издания (тираж 1.075.000); в «Библиотеке начинающего читателя» — 11 изданий (740.440); в «Библиотеке начинающего читателя» (Книга — социалистическое деревне) — 6 изданий (600.000) и т. д.

По сведениям Всесоюзной книжной палаты, с 1917 по июнь 1936 года на языках народов СССР вышло 150 изданий с тиражом в 1.400.000 экземпляров.

К. МУРАТОВА.

Человек большого сердца

Памяти М. И. Ульяновой

Похоронили Марию Ильиничну. Наверное ушел от нас человек большого сердца.

Помню, с каким волнением я стояла впервые перед дверью ее кабинета, куда пришла по телефону вызову разговаривать о работе. Я не знала, как себя держать, волнуясь, придумывая неслучайные фразы. Ведь это была Мария Ильинична, ведь это была сестра Ильича.

Она поднялась с кресла, быстро, торжественно пошла навстречу. Небольшая, очень подвижная, худощавая, слегка сутулая фигура, совсем белая голова, астенная улыбка и смелые глаза, такие похожие в своей умиротворенности на глаза Ильича, смотрели на меня с таким теплом.

Сразу прошла неловкость фраз, стало легко и необычайно свободно. Она расспрашивала, рассказывала о работе.

Нало к Бюро жалоб привлечь писателей. Это было бы хорошее дело. Бывает у нас упорные люди. Надлежит ошибкой, а исправить не хотят. Ну, ничем не сдвинешь. А как в газете статья появится об их делах, тут только за ум и берется. Обязательно бить их надо печатными словами.

Я совершенно забыла о том, что разговариваю с человеком впервые. Казалось, что мы давно знакомы, у нас общие дела и заботы.

Обязательно приходите работать, — говорила она, прощаясь. — У нас тут не легко: и работы много и нужно к человеку уметь подойти. А материала для книги соберете сколько влезет.

Я ушла под огромным обаянием Марии Ильиничны, ее слов, слегка глуховатого голоса, особой манеры говорить немомо нарастающей. Вскоре после этой встречи я заболела, и в течение 2-х недель в телефонную трубку слышалась ее голос, заботливо спрашивающий о моем здоровье. Эта необычайная, ленинская внимательность, забота о людях, о каждом человеке, работающем с ней, была неотъемлемой чертой Марии Ильиничны.

Каждый день в ее кабинете происходил разбор жалоб. М. И. выслушивала жалобы и затем иногда брала вызванный представителем от учреждения.

Вы что же, Сталинской Конституции не хотите выполнять? Личности человека права на труд. Забыли, чему нас Сталин учит: чуткому подходу к человеку. А вы что же наделяли? С какой огромной любовью она всегда говорила о товарище Сталине! К ней приезжали со своими заботами, неприятностями, горем со всех концов нашей необъятной страны. Приходили дети, старики, колхозники.

ки, рабочие, люди всех профессий и возрастов, и к каждому умела М. И. подойти, каждого обогреть своей лаской и вниманием, каждому оказать помощь.

Но она умела также с непримиримой ненавистью говорить о врагах народа, о врагах партии, на протяжении всей своей жизни бороться с ними.

Она очень тяжело переживала смерть товарища Орджоникидзе. Поздно вечером, приехав из Колонного зала, Мария Ильинична показала мне статью, которую она написала о товарище Орджоникидзе.

— Не так получилось, — с трудом говорила она, по своей обычной привычке медленно проводя пальцем по волосам. — О нем хотелось бы написать иначе, горячо, так, чтобы он весь встал перед глазами. Но надо отсылать в редакцию. Подождо.

Ее статьи были яркой и горячей, но по своей обычной скромности М. И. недооценивала ее.

В другой раз ей прислали на просмотр статью о Владимире Ильиче. Она криво подержала строчки своим карандашом и сердито говорила: — Брунда! Чуть. Зачем такой скатать. Ильич горячо любил жизнь, природу, музыку, литературу. У него была колоссальная работоспособность, но он понимал, видел и чувствовал жизнь со всех ее сторон.

Мария Ильинична с утра и до поздней ночи бывала на работе. К ней можно было всегда зайти, всегда посоветоваться, всегда разрешить нужный вопрос.

7 июня поздно вечером она вернулась в Бюро жалоб с партийной конференцией и начала работать. Ее внезапно стало плохо, я ее уложила на диван. Больше Мария Ильинична не вставала. Организм бешено боролся, прыгнул в борьбу, он не хотел сдаваться. Со всех сторон нашей страны неслись тревожные письма, из разных уголков мира с любовью запрашивали о ее здоровье. Желали ей скорейшего и полного выздоровления.

Двенадцатого июня не стало Марии Ильиничны.

Под звуки похоронных мелодий страна проходила перед гробом любимого товарища, ласковой и чуткой М. И.

И скорбно заставлял у гроба почтенный караул, не трогая глядя на бледное лицо.

И хочется сказать так, чтобы услышала Мария Ильинична: — Так же, как и ты, всю жизнь будешь бороться за дело коммунизма.

Так же, как и ты, всегда будем верны партии и ее вождю, товарищу Сталину!

Л. АРГУТИНСКАЯ.

Горьковские дни в Советском Союзе

Первую годовщину со дня смерти основоположника пролетарской литературы Алексея Максимовича Горького отмечает вся страна.

От Москвы и Ленинграда — до далеких уголков советских республик, в память Горького открываются музеи, устраиваются траурные вечера и выставки, организованы лекции и доклады, выпускаются специальные и специальные издания, подготавливаются курсы, заканчиваются кинофильмы.

Каждый день приносит новые сведения и корреспонденции о мероприятиях, посвященных памяти великого писателя и незабвенного друга трудящихся Страны Советов.

На родине Горького

Детально готовились к сегодняшнему дню на родине Горького.

В городе, носившем его имя, открылся Литературный музей, в котором собраны интереснейшие материалы, относящиеся к различным периодам пребывания Алексея Максимовича в родных местах.

При музее развернута большая выставка, посвященная жизни и творчеству великого писателя.

Открывается реставрированный домик Каширинский, где Алексей Максимович провел свои детские годы и который он описал в первой части своей трилогии — «Детство».

Городской театр приготовил к годовщине спектакль, посвященный жизни и творчеству Горького.

дешевые премьеры — «Фомка Гордеев» в инсценировке Желябужского. Этой постановкой началось горьковское декада в местных театрах.

На крупнейших предприятиях города проводятся вечера, лекции, читательские конференции и доклады, посвященные Горькому.

Семка звукового киноочерка «Семья Заломовых» производится в Сормове.

В братских республиках

Братские республики СССР чтят память своего великого друга и борца за национальную литературу народов Советской страны.

Первое полное собрание сочинений А. М. Горького на белорусском языке выпускает Белгосиздат. Издание состоит из 25 томов. Часть его уже вышла в печати.

Татарские поэты выпускают сборник своих стихов, посвященный Горькому.

В столице Казахстана Алма-Ата выходит том художественных произведений, статей и речей Горького и сборник песен алма-Атинских писателей, посвященный Алексею Максимовичу.

Во всех столицах, областях и районах братских республик состоятся торжественные вечера и доклады, посвященные Горькому.

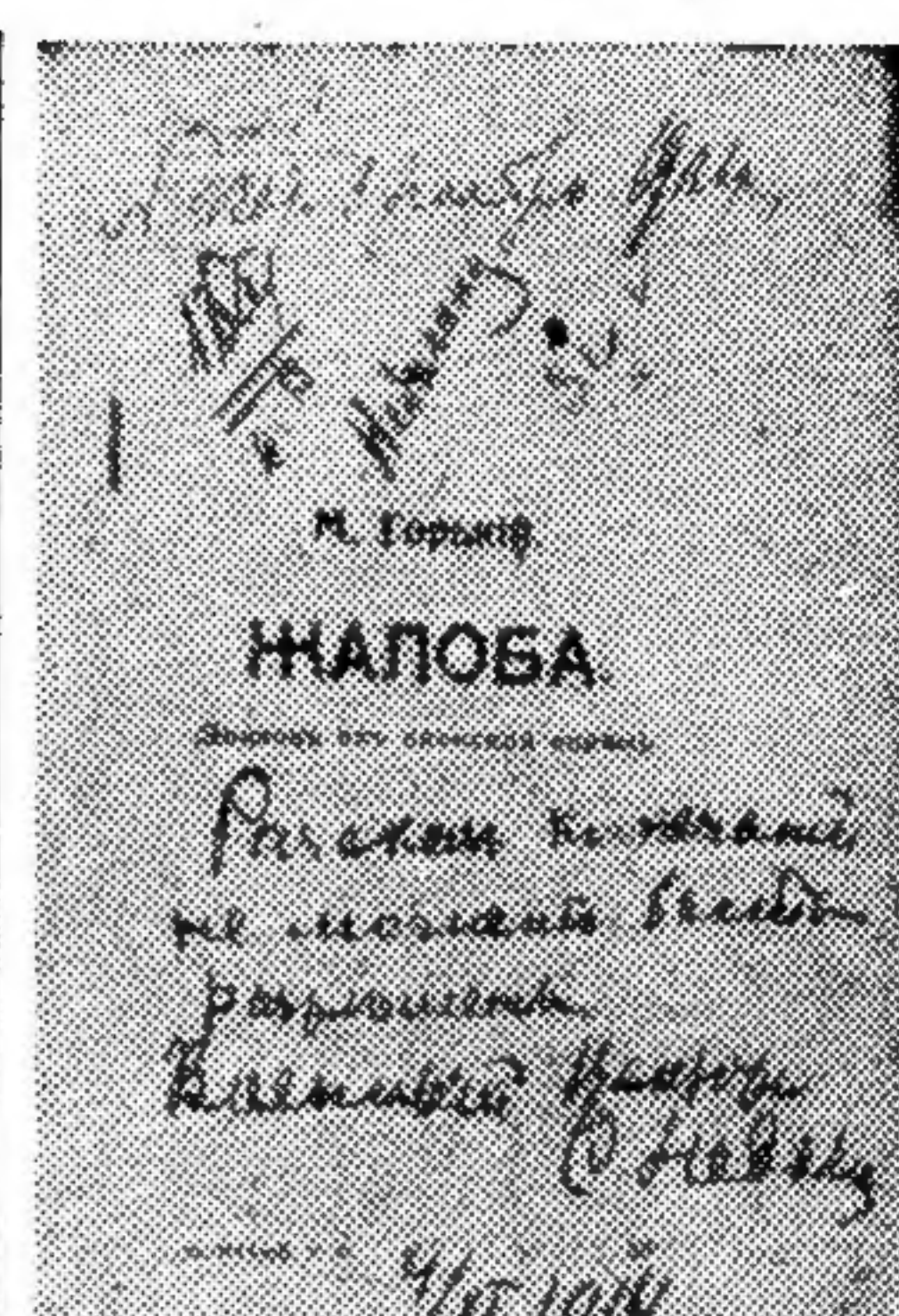
В ряде публикаций в отделе приложений к сборнику выделены новые материалы по иностранной цензуре произведений Горького.

Сборник замыкается списком произведений и писем Горького, опубликованных в 1935—1937 годах, являющимся продолжением известного уже в печати большого списка сочинений писателя. В этом новом списке даются существенные дополнения и по ранним годам творчества Горького.

Мы не сомневаемся в том, что новый сборник Института литературы Академии наук не будет единственным, осуществляемым в ближайшем будущем, изданием подобного типа.

Учреждения и организации, владеющие ценнейшими документальными материалами по Горькому, обязаны не только его хранить и умножать, но и делать доступным широкому ознакомлению.

Без публикации новых текстов, писем, биографических документов, хотя бы в простейшей, первичной научной обработке дело изучения богатейшего наследия Горького неизбежно затормозится, и тем самым на долгие годы будет отодвинута та систематическая характеристика разнообразнейших сторон его деятельности, в которой особенно нуждается советский читатель.

Рассказ М. Горького «Жалоба» с резолюцией военного цензора: «Рассказ и печати не может быть разрешен».

НА ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

В переполненном Колонном зале Дома союзов 10 июня открылся Первый всесоюзный съезд советских архитекторов.

На съезде присутствуют в качестве гостей крупнейшие иностранные архитекторы, прибывшие из разных стран, — США, Франция, Бельгия, Швеция, Дания, Норвегия, Испания и Чехословакия, представители смежных искусств — художники и скульпторы строителей и работники строительной индустрии.

«Ведением» к съезду служат развернутая в фойе Колонного зала архитектурная выставка, демонстрирующая громадные масштабы нашего строительства — от планировки городов до жилищного строительства. Центром выставки является наш архитектурный колосс — Дворец советских, представленных в эскизах технического проекта.

В президиум съезда — председатели Моссовета Н. А. Булгаков, академик архитектуры А. В. Шусев и В. А. Шуга, профессор В. А. Веснин, Н. Я. Колли и С. Е. Чернышев, архитекторы К. С. Алабян, Б. М. Иофан и др.

Под бурные овации всего зала и почетный прием избираются товарищи Сталин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Калинин, Андреев, Микоян, Чубарь, Косиор, Жаков, Ежов, Хрущев, Димитров, Тельман, Хозе Диас.

Наряду с большой повесткой творческих вопросов съезд должен обсудить также крупнейшие в народнохозяйственном и культурном отношении вопросы, как планировка и реконструкция городов, жилищное строительство, индустриализация строительства и подготовка архитектурных кадров и мастеров художественной промышленности.

Первый раздел работы съезда обнимает обширный пласт творческих докладов — о задачах советской архитектуры, об этапах ее пути, об овладении классическим наследством, сообщении авторов проекта Дворца советских и доклады советских республик.

В день открытия съезд заслушал первый доклад из этого цикла — о задачах советской архитектуры.

Докладчиком выступил М. С. Алабян.

Обращаясь к характеристике сегодняшней архитектурной практики, К. С. Алабян говорит:

«Советская архитектура прошла за 20 лет сложный путь творческих исканий, постепенно преодолевая все то наклонное и чуждое, что мешало ее развитию. Несмотря на серьезные достижения, советская архитектура сегодня еще сильно отстает от тех требований, которые предъявляет к ней страна. В архитектурной практике еще сильны рудименты формализма, эстетизма, упрощенчества. Былые вожди конструктивизма, др. Веснины, М. Я. Каширин и др., в свое время наделавшие много ошибок, бросившиеся на пропаганду домов-коммун до домов на курьих ножках, от принципов планировки городов Корбюзье до проповеди уничтожения городов, не сумели еще окончательно избавиться от старых творческих установок».

К. С. Алабян дал характеристику метода социалистического реализма в архитектуре.

Академик архитектуры А. В. Шусев выступил на съезде о докладе об овладении культурным наследством — величайшими ценностями классической и национальной архитектуры и народного творчества.

Последующий доклад профессора Н. Я. Колли — «Этапы советской архитектуры» — явился прекрасным документальным дополнением к докладу К. С. Алабяна, развернув на ярчайших фактах минувшего двадцатилетия сложный путь творческих исканий, пройденный советской архитектурой.

На торжественном открытии съезда присутствовали т. т. Н. К. Антипов, П. М. Керженцев, Г. И. Смирнов, А. И. Стецкий и Д. И. Сулимов.

С. ТОВ.

ИЗВЕЩЕНИЯ

19 июня, в 6 часов вечера, в помещении бухгалтерии Гослитиздата состоялось общее собрание членов группкома писателей и литературных работников при Гослитиздате.

На собрании будут произведены выборы бюро группкома.

Редакция альманаха «Год XX» просит нас сообщить, что в одиннадцатой книге альманаха по вине редакции не указана фамилия автора произведения «Татьяна Саломыха» — Л. Аргутинская.

Ответственный редактор Л. М. СУВОЦИК.

ИЗДАТЕЛЬ: Журналино-газетное объединение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер. д. 26, тел. 69-61. Издательство: Москва, Стрешинский бул. 11, тел. 4-68-18 и 5-61-63.

Горький в рисунках детей

В Центральном доме художественного воспитания детей РСФСР имени А. С. Бубнова на конкурсе «Горький, его жизнь и его произведения» ежедневно поступает множество рисунков.

Десятки рисунков изображают бесстрашного Данко и буревику, подобную черной молнии; юные ху-

дожники иллюстрируют сказки об Италии, «Челкаша» и т. д.

Дети младшего возраста фиксируют свое внимание преимущественно на рассказе «Дед Архип и Ленка», но иногда 9-летние мальчики изображают трагические сцены из таких произведений, как «Жан и его сын».

Старшие ребята делают иллюстрации к произведениям «Брати», «Дело Артамоновых» и т. д.

Конкурс продлится до 1 июля, но уже сейчас получено больше тысячи рисунков из Азербайджана и Ачинска, Красноярского края и Крыма и многих других мест.

Борис Дорошенко из Днепроросовка, получивший первую премию на всеююзном конкурсе учащихся железнодорожных школ, глубоко и серьезно работал над произведением Горького. Он прислал три иллюстрации к «Челкашу». Прекрасный по композиции рисунок пристани с пароходами, грузчиками и шагающей вперед фигурой Челкаша; выразительный рисунок «Челкаш в лодке».

Очень выразительные рисунки дал Коль Хлебоборов из села Быково (Севского района Западной области), Алеша Лавренко из детского дома села Верхотурье (Свердловской обл.).

Все это показывает, как глубоко и серьезно думают наши дети над яркими образами произведений Горького.

После просмотра жюри и вручения премий лучшие рисунки будут переданы в Музей им. Горького.

В. СКЛЯР.

С. БАЛУХАТЫЙ

Новые материалы об А. М. Горьком

Изучение творчества М. Горького по документам и архивным данным насчитывает не много лет. И тем не менее в нашем распоряжении уже имеются первоклассные материалы, освещающие с достаточной полнотой отдельные периоды жизни и творчества Горького. Но было бы совершенно ошибочным предполагать, что весь круг основных материалов как рукописных, так и эпистолярных и документально-биографических нам уже известен. Пройдут десятки лет, прежде чем будут мобилизованы и научно обработаны многочисленные документы, характеризующие столь сложную и разностороннюю работу, как литературная, революционная, общественная и организаторская деятельность великого трибуна и неслыханного писателя М. Горького.

Год, прошедший со дня смерти писателя, не обогатил нас, за исключением только что вышедшего четвертого тома «Жизни Клим Самгина», какими-либо крупными текстовыми публикациями. Из материалов, оставшихся в рукописи, обращают на себя внимание лишь отрывки из обширного курса Горького по истории русской литературы (в особенности глава о Пушкине), опубликованные в центральной печати («Правда» и «Известия»). Однако в наших журналах и газетах появилось значительное число ранних рассказов и статей Горького, никогда не включавшихся в собрания его сочинения.

Большая серия этих произведений Горького значительно расширяет наше представление об объеме ранней литературной деятельности писателя и о тематическом содержании его творческой работы. Надо думать, что

работы Горького остаются либо мало освещенными, либо полностью не документированными. В этом ряду представляется особый интерес материалы полицейской слежки за Горьким — «Даты жизни и деятельности А. М. Горького», опубликованные в «Красном архиве» по данным ф. фонда Департамента полиции. К сожалению, Центрархив, публикация уже не в первый раз различные ценные материалы, относящиеся к революционной деятельности Горького, не сделал генерального просмотра всех своих архивов, в недрах которых лежат еще многие первоклассные документы.

Советское горьковедение с каждым годом растет и качественно и количественно. Наши журналы почти непрерывно помещают статьи о разных сторонах деятельности Горького, в наших вузах организованы специальные семинары по творчеству Горького, наша аспирантура все чаще и чаще избирает теми своих научных изысканий отдельные периоды в творчестве Горького, в печати известны заявки ряда ученых на монументальные работы по Горькому.

Это разнообразное и содержательное движение нашего горьковедения предполагает большое поступление в печать, в помощь возникающим научным и критическим работам, новых материалов. К сожалению, таких обильных публикаций еще нет, и лишь очень немногие наши литературоведческие учреждения за последние годы подготовили к печати новых публикаций.

Институт литературы Академии наук СССР, положивший, еще при жизни и с ведома писателя, начало систематическому учету горьковских материалов и публикации их в специальных сборниках «Материалы и исследования» (вышло два таких сборника: том I — 1934 г., том II — 1936 г.), подготовил в текущем году к печати третий том этого издания.

Он открывается текстами забытых произведений Горького — фрагментами одной большой его повести, задуманной как продолжение «Курьеского» цикла повестей. Обширный

отдел переписки этого тома охватывает, как это принято в первых горьковских сборниках Института, — лишь литературные письма и посвященные немногим адресатам: письма Горького к В. С. Милюкову (79 писем), к Д. Н. Овсянко-Куликовскому (10 писем) и П. М. Касаткину (36 писем). Письма Горького к известному редактору-издателю «Журнала для всех» В. С. Милюкову знакомы нас с годами сотрудничества Горького в этом журнале, а также со временем приключения Горького В. Милюкова в 1911-12 гг. в качестве одного из редакторов сборников «Знания».

Письма эти говорят нам о литературных интересах Горького, о работе его над своими ранними произведениями, о приемах редактирования им чужих рукописей. Переписка Горького с известным историком литературы и общественным деятелем Д. Н. Овсянко-Куликовским относится к 1911—1913 годам и касается преимущественно временного сотрудничества Горького в журнале «Вестник Европы» и оценки Горьким литературных работ Д. Овсянко-Куликовского.

Интересны в письмах замечания Горького об особенностях своего творчества. Так, послыша в журнал несколько своих очерков из цикла «По Руси» («Медоход», «Губия», «Женщина»), Горький писал: «Я затеял ряд очерков, подобных посланным, — мне хотелось бы очеркнуть некоторые свойства русской психики и наиболее типичные настроения русских людей, как я познал их».

Письма Горького к писателю И. М. Касаткину охватывают довольно значительный период времени (1908—1934) и представляют большой литературный интерес. Много замечательных мыслей в этих письмах о литературной жизни и литературных произведениях дореволюционного времени и советской литературы. Много ценнейших высказываний Горького о собственном творчестве. В письме 1923 г. Горький писал: «Сам пишу много. Хотелось научиться писать лучше, чем уметь. Хотелось добыть старинку со всей ее красноватой и отвратительной гнилью».